

Иван Оченков

СТРЕЛОК

ПУТЬ НА БАЛКАНЫ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Иван ОЧЕНКОВ

Стрелок. Путь на Балканы

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Оченков И. В.

Стрелок. Путь на Балканы / И. В. Оченков — «Издательство АСТ», 2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-116535-2

Конец XIX века. На Балканах опять пахнет кровью и порохом. Россия не собирается терпеть насилие над братьями-славянами, и на границах могучей империи слышится железная поступь царских полков. А в одной из солдатских шеренг марширует наш современник, неведомо как оказавшийся в самой гуще событий. Он прекрасно знает, что ничем хорошим для его страны эта война не кончится и освобожденные «братья» с тех пор всегда будут воевать на стороне врагов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116535-2

© Оченков И. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	70
-----------------------------------	----

Иван Оченков

Стрелок: Стрелок. Путь на Балканы

В доме земского врача Модеста Давыдовича Батовского часто собирались гости. Семья его была гостеприимной и, что немаловажно, – передовой. То есть все ее члены придерживались прогрессивных взглядов и привечали у себя людей подобного склада. Такова была его жена Эрнестина Аркадьевна, красивая еще дама, лет... Впрочем, у дам ведь о возрасте не спрашивают, не так ли? Такова была и его дочь Софья, весьма изящная барышня восемнадцати лет от роду. Очевидно, таким же со временем станет и их младший сын – гимназист Маврик. Но пока тринадцатилетний мальчик озабочен не прогрессом, а куда более насущными в его возрасте заботами. У него каникулы, и он никак не может взять в толк, отчего ему надо забросить забавы с уличными приятелями и, переодевшись и причесавшись, сидеть с постным видом в гостиной, делая вид, что ему очень интересны умные разговоры о политике, прогрессе и тому подобных вещах. Впрочем, в последнее время частенько говорят о предстоящей войне, и вот такие бы разговоры он послушал, да только эти несносные взрослые, ведя подобные разговоры, неизменно выдворяют его из комнаты. Дескать, Мавруша еще очень мал. А он совсем не мал и горячо сочувствует славянам, томящимся под турецким игом, и потому готов хоть сию минуту выступить с оружием в руках и победить всех башибузуков разом! Но пока он сидит в гостиной, надеясь, что его не выставят раньше, чем несносная Сонька станет развлекать гостей. Она будет музицировать на фортепиано, а гости, которые вовсе никакие не гости, а потенциальные женихи, столпятся вокруг и, придав своим физиономиям выражение мечтательности, будут с придыханием говорить: «Ах, как это прекрасно, ах, какой шарман!»

Женихов было трое. Первого звали Никодим Петрович Иконников. Он был уже человеком зрелым, можно даже сказать, в возрасте. В прежние времена служил частным поверенным, имел обширную адвокатскую практику и не менее обширные связи. Теперь он занимался коммерцией, и весьма успешно. Поговаривали, что его компаньонами были очень многие богатые и влиятельные господа. Голову его, правда, украшала изрядная лысина, а фигуру – брюшко. Первое он скрывал, зачесывая особым образом волосы, а второе – корсетом. При этом человек он был светский и весьма любезный в обхождении. Маврик, правда, его недолюбливал, за неприятный взгляд и насмешливость, но его мнения на этот счет, конечно, никто спрашивать не собирался. Второй был офицером. Говорят, в прежние годы девицы всем видам женихов предпочитали военных, но те времена давно прошли. К тому же Софья Модестовна была барышней рассудительной и прогрессивной, и пленить ее видом гусарского ментика было несколько затруднительно. К тому же Владимир Васильевич Гаупт, так его звали, был не гусаром, а простым пехотинцем. Тем не менее штабс-капитан был молод, высок, хорош собой и успел закон-

чить Академию Генштаба. Теперь он выслуживал ценз командира роты в расквартированном неподалеку полку и ко всему приходился Батовским дальним родственником. Серебряный аксельбант на груди офицера намекал, что карьера его на подъеме, и потому женихом он был все-таки завидным. К тому же он был сторонником всяческого прогресса, хотя и в армии, а потому дорогим гостем у Модеста Давыдовича и Эрнестины Аркадьевны. Маврику Гаупт, пожалуй, нравился. Была в нем какая-то внутренняя сила, сразу заметная мальчишке. К тому же он был весьма прост в общении и частенько рассказывал разные занимательные истории о войне, до которых мальчик был большим охотником.

Третьего и женихом-то было назвать трудно. Алексей Лиховцев был студентом Московского университета и однокурсником кузена Батовских – Николаши. Принят в доме он был только благодаря своему приятелю и в качестве жениха родителями Сонечки не рассматривался совершенно. Помилуйте, прогресс прогрессом, а жить на что-то надо. С Мавриком они были почти друзьями, а Софи отвечала на его робкие ухаживания с изрядной холодностью, вводящей бедного студента в черную меланхолию. Иногда, впрочем, она меняла гнев на милость и разговаривала с ним почти ласково. Алексей и Николаша были ее признанными пажами. Они сопровождали ее на прогулках, собирали ей полевые цветы, пели хором, когда она им аккомпанировала на фортепиано. Для кузена, знающего Софию с детства, это было чем-то вроде игры, а вот для Лиховцева постепенно становилось смыслом жизни. Нельзя сказать, чтобы Модесту Давыдовичу и особенно Эрнестине Аркадьевне это слишком уж нравилось, но приличия соблюдались неукоснительно, а Сонечка была, как я уже говорил, барышней весьма не глупой, и они не ожидали от нее решительно никаких безрассудств.

Ужин в тот день удался на славу. Вообще, Модест Давыдович, будучи доктором, предпочитал сам и рекомендовал всем своим пациентам самую простую пищу. Щи, кашу, отварную телятину и пироги с разнообразной начинкой. Но все дело в том, что кухарка Батовских – Акулина – умела готовить все это совершенно бесподобно. Правда, племянница кухарки Дуняша, служившая с недавних пор у них горничной, несколько раз проявила непростительную неловкость, но, слава богу, все обошлось. Гости воздали должное угощению и наперебой хвалили хозяйку. Та воспринимала это как должное и милостиво улыбалась в ответ. Глава семейства также чувствовал себя великолепно, и для полного счастья ему не хватало совсем чуть-чуть.

– Сонечка-душечка, – с улыбкой обратился он к дочери, – а не сыграешь ли ты нам что-нибудь?

– Прекрасная мысль, – поддержал его Иконников, – просим, просим!

Обычно Софи с удовольствием откликалась на подобные предложения. Музыку она искренне любила и играла довольно хорошо. К тому же какой барышне не хочется блеснуть талантом в присутствии стольких кавалеров, но тем более неожиданным для присутствующих был ее ответ:

– Прости, папа, мне что-то не хочется.

– Что с тобой, – удивился Модест Давыдович, – ты нездорова?

– Нет, все хорошо.

Разумеется, этот лаконичный ответ не мог успокоить родителей.

– В чем дело, Софи? – встревожилась Эрнестина Аркадьевна. – Ты и ела совсем без аппетита. Неужели тебе не понравилось?

– Простите, господа, – поднялась с места девушка, – просто я не могу...

– Что-то случилось? – тихо спросил Алексей, с видом крайнего беспокойства, и даже легкомысленный Николаша вопросительно уставился на кузину.

– Да случилось, – не выдержала она. – Мы едим, пьем, развлекаемся, а совсем рядом творятся совершеннейшие дикости. Кровожадные османы терзают балканских славян, а нам нет до этого никакого дела. Башибузуки не щадят ни женщин, ни детей, а вы предлагаете мне музицировать.

Услышав это, гости застыли как громом пораженные. Софья Модестовна не повышала голос, не сбивалась в мелодекламацию, свойственную некоторым экзальтированным девицам. Напротив, она говорила тихо и спокойно, но от этого ее речь была только более убедительной. Первым из ступора вышел хозяин дома.

– Кажется, я теперь знаю, куда пропал номер «Нивы». Сонечка, милая, я ведь говорил тебе, что не следует читать газет перед обедом. От этого бывает...

– Можно подумать, что после обеда эти вести станут менее ужасными, – парировала дочь.

– Нет, разумеется, но восприниматься они будут куда менее остро.

– В конце концов, в чем ты нас обвиняешь? – кинулась в бой мадам Батовская. – Мы, право же, очень сочувствуем несчастьям Сербии и Болгарии. Мы даже третьего дня жертвовали в помощь пострадавшим от турок...

– О, да! Пять рублей!

– А я согласен с мадемуазель Софи, – неожиданно поддержал ее Иконников, – право же, дела творятся совершенно невероятные и, я бы даже сказал, дикие. А мы совершенно непростоительно медлим. Кровь славянства вызывает к отмщению!

– Ну не скажите, дорогой Никодим Петрович, насколько я могу судить, наше правительство наконец вышло из состояния апатии. Ультиматум османам составлен в самых решительных выражениях. Объявлена мобилизация, войска выдвигаются к границе, а кстати, что скажет наша доблестная армия?

– Армия готова выполнить свой долг, – просто и без малейшей аффектации ответил Гаупт. – К тому же могу сказать вам со всей откровенностью, решение о войне принято. Я не хотел говорить прежде времени, но наш полк скоро выступит, и, очевидно, это последний мой визит к вам.

– Не говорите так! – встревожилась Эрнестина Аркадьевна.

– По крайней мере, до войны, – с улыбкой поправился штабс-капитан.

– А вы знаете, мы с Алешкой тоже идем в армию, – неожиданно выпалил Николаша и сконфуженно улыбнулся.

– То есть как, вы же еще студенты?

– Уже нет, тетушка, мы теперь вольноопределяющиеся Болховского полка.

– Что ты такое говоришь, а твои родители знают?

– Нет, ма тант¹, я не решился рассказать им сам и потому хотел бы просить вас с дядей...

– Ура, наши идут на войну, – закричал совершенно ошеломленный всеми этими известиями Маврик, однако закончить не успел, потому что Дуняша, услышав о войне или еще почему, с грохотом уронила на пол поднос с посудой.

– Это еще что такое? – строго воскликнула Эрнестина Аркадьевна, но девушка не слышала ее и лишь во все глаза смотрела на сделавших это удивительное признание студентов.

– Как же это, Николай Львович, Алексей Петрович... на войне ж убить могут, – бормотала она, и глаза ее быстро наполнялись слезами.

– Полно тебе причитать, – нахмурился Модест Давыдович, – они еще, слава богу, живы. Но как это возможно?

– Свидетельствую, – громко заявил Гаупт, – молодые люди говорят чистую правду. Им стоило немалого труда уговорить меня скрывать эту новость. Тем более что для этого господам вольноопределяющимся пришлось переодеться в партикулярное платье, что я как офицер не могу одобрить никоим образом. Но, раз их инкогнито раскрыто, то в следующий раз вы увидите их в мундирах.

Пока он говорил, Соня подошла к кузену и его приятелю и срывающимся голосом пробормотала:

¹ Ma tante (фр.) – тетушка.

– Простите меня, Николаша, и вы, Алексей, я дурно думала о вас и мне теперь ужасно стыдно. Вы ведь извините меня?

Пока все внимание было приковано к уходящим на войну молодым людям, Дуняша наконец вспомнила о своих обязанностях и с виноватым видом принялась собирать на поднос разбитую посуду. Собрав все черепки, девушка попыталась незаметно выскользнуть, но не тут-то было. Внимательно следившая за ней хозяйка тут же пошла следом и, догнав горничную в коридоре, буднично отхлестала ее по щекам, а затем вернулась к гостям и, любезно улыбаясь, предложила всем перейти в гостиную.

– Господа, ну, сколько можно говорить о войне, право же, наши мальчишки теперь не скоро окажутся в домашней обстановке, так давайте не будем их лишать этого удовольствия.

– И в самом деле, – прогудел Иконников, – давайте о чем-нибудь смешном. Кстати, Модест Давыдович, ты, помнится, говорил о некоем курьеze, приключившемся в вашем богоугодном заведении?

– Каком курьеze? – заинтересовался жизнерадостный Николаша. – Дядюшка, расскажи, а то ведь верно, в ближайшее время нам занятые истории только их благородие Николай Петрович рассказывать будет!

– Всенепременно, – осклабился штабс-капитан, – «словесность» называется. Уверю, господа-вольноперы, вам понравится.

– Да уж приключилась история, – засмеялся доктор, – впрочем, извольте. Третьего дня, ближе к вечеру, нам, некоторым образом, полицейские привезли человека.

– Что, прямо городовые?

– Они самые. По их словам, нашли его на Поганом болоте, в совершенно помрачённом состоянии рассудка. Ну и, разумеется, привезли к нам. В отделение для душевнобольных.

– И в чем же курьеz?

– Да в протоколе, составленном этим олухом царя небесного, нашим исправником! Это же надо подумать, написал, что найденный на болотах человек утверждал, будто бы он из будущего! Каково?

– Презанятно! А из каких же времен к нам сей... посланец грядущего?

– Ну, по словам нашедших его, из двадцать первого века.

– По словам?

– То-то, что по словам. Уж не знаю, что нашим держимордам почудилось, только когда я этого человека осмотрел и выслушал, то ни о каком будущем он мне не рассказывал.

– А что рассказывал?

– Да ничего! Разум у человека помутился, так что он и не помнит ничего. Бывает такое с перепугу. Болота, извольте ли видеть, места, способствующие приступам паники.

– А о каком же будущем толковал господин исправник?

– Да какое там будущее, к нечистому, прости меня Господи! Видимо, когда его нашли, некие отрывки памяти в голове бедолаги еще крутились, вот он и сказал, откуда родом.

– Откуда родом?

– Ну конечно! За болотом-то как раз деревенька Будищево! Вот полицейским и почудилось невесть что. Фогель-то недавно в наши края переведен, вот и путается до сих пор в трех соснах.

– Действительно, анекдот. Не желаете ли сообщить о сем курьеze в «Медицинский альманах»?

– Чтобы меня коллеги засмеяли? Благодарю покорно! Или в полицейском департаменте чего доброго обидятся. Нет уж, увольте.

– Да, наши держиморды могут.

Пока гости посмеивались над глупой ошибкой недавно переведенного из столицы недалекого полицейского, случилось так, что Софья и Лиховцев остались совершенно одни в сто-

ловой и их отсутствия сразу не заметили. Молодые люди стояли друг против друга и не могли от смущения вымолвить ни слова. Первой молчание нарушила девушка:

– Отчего вы не хотели сказать, что уходите на войну?

– Э... ваш кузен не хотел тревожить раньше времени... – промямлил тот.

– Вы говорите неправду, – мягко прервала его Соня, – Николаша, он милый и славный, но что-либо скрывать совершенно не в его характере. Это ведь ваша идея, не так ли?

– Идти на войну?

– И идти на войну, и скрывать это от нас.

– Да.

– Так отчего?

– Мне не хотелось выглядеть перед вами хвастуном, Софья Модестовна. Вы знаете о моих чувствах к вам и отвергли их. Но мне не хотелось бы, чтобы у вас составилось мнение, что я сделал это лишь, чтобы произвести на вас впечатление. То есть я хотел бы, чтобы вы думали обо мне хоть немного лучше... но дело в том, что я это давно решил. Я искренне сочувствую поработавшему славянству и хотел бы хоть что-то сделать для его освобождения. Наверное, это прозвучит выпендрено, но ради этих убеждений я готов подставить свою грудь под пули.

– Мне так стыдно перед вами.

– Но отчего?

– Оттого что я дурно думала о вас. Я полагала, что вы такой же, как все эти пустые люди, так часто окружающие меня. Они много говорят, горячо спорят, но ничего не делают. Вся их горячность уходит в пар. Вы понимаете меня?

– Кажется, да. Но я...

– Не такой, как они? Теперь я вижу это.

– Я люблю вас!

– Подождите. Я вовсе не такова, как вы обо мне думаете. Да я хороша собой и знаю это. Но все это лишь оболочка. Видите ли, я еще не только ничего не сделала в жизни полезного, но даже не разрушила вредного. В сущности, я избалованная чужим вниманием пустая девчонка. Молчите, прошу вас, не смейте мне возражать! Да, я плохая, но я надеюсь исправить это. Вы понимаете меня?

– Конечно!

– Понимаете? Даже мои родители не понимают меня. Они считают себя передовыми людьми, но при этом уверены, что главной целью в жизни женщины является замужество. А как же прогресс, как же нравственное совершенствование?!

– Я восхищаюсь вами!

– Ах, оставьте, я совершенно не заслуживаю восхищения, тем более вашего. Вы совершенно другое дело, вы смелый, честный и способный на поступок человек. Сознаюсь, я прежде заблуждалась на ваш счет и теперь не знаю чем загладить свою вину.

– Боже мой, о какой вине вы говорите? Вы чудесная, добрая, милая...

– Вы, правда, так думаете?

– Конечно!

– Я могу что-то сделать для вас?

– Дайте мне хоть маленькую надежду, хоть тень ее, и я, чтобы добиться вашего расположения, сверну горы.

– Расположения, о чем вы говорите?! Я, может быть, впервые в жизни встретила достойного человека...

– Так я могу надеяться!

– Послушайте, я, кажется, говорила уже, что терпеть не могу людей, много говорящих, но ничего при этом не делающих. Вы человек дела, и я хочу быть достойной вас. Твердо обещаю,

что если вы пойдете на войну, то по возвращении я буду принадлежать вам. Никто и ничто, ни родители, ни молва не изменят моего решения!

– Вы необыкновенная!

Тут их излияния прервал ворвавшийся в столовую Маврик.

– Соня, ты где? А что это вы тут делаете?

– Ничего, – строго отвечала ему сестра, – просто господин Лиховцев уходит на войну, и я захотела выразить ему свое восхищение.

– А ведь и верно, – загорелись глаза мальчишки, – это очень мужественный поступок, и мы все гордимся вами и Николашей. А вы возьмете меня с собой?

– Боюсь, Мавр, тебе нужно прежде немного подрасти, – улыбнулся Алексей и похлопал своего юного приятеля по плечу.

– Ну вот, опять, – огорчился мальчик. – Право же, я вовсе не так мал, как вам кажется...

– Маврикий, – нетерпящим возражений тоном прервала его Софья, – не смей приставать к Алексею Петровичу! Разумеется, он никаким образом не может взять тебя с собой. Ведь он отправляется на войну, а там совсем не место для таких глупых мальчишек.

– Да уж поумнее тебя буду, – пробурчал в ответ брат, до ужаса не любивший, когда его называли Мавриkiem.

Однако Софья Модестовна, не слушая его, подала руку Лиховцеву, и они вместе отправились в гостиную. Эта деталь вкупе с сияющей физиономией студента не осталась незамеченной, но девушка, ведя себя как ни в чем небывало, подошла к фортепиано, устроилась поудобнее на стуле и, подняв крышку, опустила руки на клавиши. Длинные и изящные пальчики забегали по ним, и комната наполнилась чарующими звуками музыки.

Все со временем заканчивается, закончился и этот вечер. Гости стали прощаться, благодаря гостеприимных хозяев за чудесный прием. Те, разумеется, отвечали, что для них честь принимать столь достойных особ, и вообще, заходите еще, не забывайте нас. У господина Иконникова был свой экипаж, на котором он любезно согласился подвезти штабс-капитана. Гаупт, правда, вздумал было отказаться, но Никодим Петрович заявил, что отказа не примет и во что бы это ни стало желает оказать услугу защитнику отечества. Тому ничего не оставалось делать, как согласиться. Молодые люди, гостившие у Батовских, отправились к себе во флигель. А Эрнестина Аркадьевна пожелала поговорить с Софьей.

– Ты очаровательно музицировала сегодня, – мягко сказала она, положив руку на плечо дочери. – Наши гости были в совершенном восторге, особенно Гаупт.

– Я польщена, – улыбнулась матери девушка, прекрасно поняв, куда та клонит.

– Мне кажется, Владимир Васильевич питает к тебе определенные чувства.

– К сожалению, не взаимные.

– К сожалению?

– Конечно, мне ведь страсть как хочется быть представленной полковым дамам. Жить где-нибудь в захолустье и из развлечений иметь только редкие балы в офицерском собрании да визиты к сослуживцам, где они перемывают друг другу кости.

– Ха-ха-ха, – засмеялась мать, в красках представив себе эту картину, столь живо нарисованную дочерью. – Однако не слишком ли ты сурова к господину штабс-капитану? Ведь он окончил академию, и карьера его обеспечена...

– Ничуть, мама. Право, Владимир Васильевич человек многих достоинств, но я не люблю его и, кажется, никогда не смогу полюбить. А перспектива быть женой военного внушает в меня такой ужас, что я смотрю на него едва ли не с отвращением.

– Но ты так горячо выступаешь за помощь славянам...

– Ах, мама, разумеется, я всем сердцем сочувствую им, но, видишь ли, война рано или поздно закончится, а Гаупт так и останется военным.

– Что же, я не ошиблась в тебе, дорогая моя. А что ты скажешь по поводу Никодима Петровича?

– Маменька, вы с отцом всерьез полагаете меня старой девой, которую нужно как можно скорее выдать замуж?

– Нет, конечно, что за идеи!

– Ну, ты так рьяно стала обсуждать матримониальные планы...

– Ох, девочка моя, конечно же, никто не считает тебя старой девой. Но и в том, чтобы подумать о замужестве, нет ничего дурного. Или ты решилась присоединиться к этим безумным «эмансипе», отрицающим брак?

– Вот еще, – фыркнула Софья, – разумеется, нет! Но и торопиться в этом вопросе я не собираюсь. Или вы хотите выдать меня замуж, как в домостроевские времена, не спрашивая согласия?

– Как ты можешь обвинять нас в подобном! – оскорбилась Эрнестина Аркадьевна.

– Ах, мамочка, прости, – повинилась Софья и обхватила шею матери руками, – ну, прости, пожалуйста, просто ты ведь знаешь, как я не люблю подобные разговоры.

– Ох, что ты со мной делаешь! Ну, ладно-ладно, я нисколько не сержусь. Просто ты уже не девочка, моя милая, и пора начинать об этом задумываться. Так что ты мне скажешь о господине Иконникове?

– Нет, это решительно невозможно! Ну, хорошо, раз ты так хочешь, то изволь. Давай говорить прямо, Никодим Петрович годится мне в отцы. Его масляные взгляды мне откровенно неприятны. Человек он, конечно, богатый и принят в обществе, но это такая же клетка, как у полковых дам. Разве что чуть более просторная и решетка ее изукрашена.

– А у тебя злой язык, Софи. Впрочем, боюсь, ты права. Но, видишь ли, дорогая моя, богатство и положение в обществе кажутся эфемерными величинами только в юности. А с возрастом начинаешь смотреть на вещи несколько иначе. Но, как бы то ни было, мы с отцом, разумеется, не будем тебя неволить. Просто помни, что мы желаем тебе добра и переживаем за тебя.

– Конечно, мама. Я очень благодарна вам за заботу.

– Ну, вот и славно. Кстати, а что ты думаешь о приятеле нашего Николаши?

– Об Алексее Петровиче?

– Да, о нем.

– А почему ты спрашиваешь?

– Ты была с ним довольно любезна сегодня вечером. Я бы даже сказала – непривычно любезна.

– Тебе показалось.

– Разве?

– Ну, может быть чуть-чуть. Все-таки они с Николаем уходят на войну.

– Право, я не ожидала от них такого решения.

– Я тоже, и возможно, поэтому так отнеслась к ним. В конце концов, Николаша мне как брат.

– Да, но любезничала ты не с Николашей...

– Полно, сказать пару добрых слов вовсе не значит любезничать. К тому же они ведь скоро уезжают, не так ли?

– Так-то оно так...

– Прости, мама, но я очень хочу спать.

– Конечно, моя дорогая, спокойной ночи!

А вот молодому человеку, о котором они говорили, было не до сна. Алексею хотелось обнять весь мир и закричать о своем счастье. Душа его пела, а тело никак не могло успокоиться.

Несколько раз он прошелся взад и вперед по отведенной им с Николаем комнатухе. Затем, не раздеваясь, упал на кровать и предался сладостным мечтам. Да и было от чего прийти в такое возбужденное состояние. Будучи бедным студентом, он зарабатывал на жизнь уроками², по этой же причине он редко принимал участие в студенческих пирушках и почти не имел знакомств среди барышень. Единственным приятелем его был Николай Штерн, и, когда тот пригласил его погостить у себя дома, Лиховцев с восторгом согласился. Знакомство же с кузиной друга ударило молодого человека как обухом по голове. Софи была так красива, умна, образованна, но при этом совершенно недоступна. Ее нельзя было не любить, но что проку любить звезду в небе? Ведь она никогда не ответит тебе взаимностью! Впрочем, он все-таки попытался с ней объясниться и, как и ожидалось, был отвергнут. Именно от отчаяния он и записался в армию, полагая достойную смерть в бою за правое дело, лучшим лекарством. И вот, совершенно неожиданно, эта прекрасная девушка ответила на его чувства и пообещала... подумать только, она пообещала стать его!

Скрипнула дверь, и на пороге появился Николай. Костюм его был несколько потрепан, а на лице блуждала довольная улыбка объевшегося сметаной кота. Однако счастливый влюбленный не обратил на это ни малейшего внимания. Радостно улыбнувшись приятелю, он спросил:

– Где ты был?

– Да так, дышал свежим воздухом, а что?

– Мне так многим надо с тобой поделиться...

– О, могу себе представить, – засмеялся Николаша, – Софи, верно, сказала тебе четыре слова вместо обычных трех.

– Как ты можешь так говорить!

– Могу, брат. Видишь ли, я, конечно, люблю Сонечку, мы с ней с детства дружны и все же... кажется, я оказал тебе дурную услугу, познакомив с ней.

– Отчего ты так говоришь?

– Как тебе сказать, дружище, еще когда я ходил в здешнюю гимназию, все хотели со мной дружить, с тем чтобы через меня познакомиться с кузиной.

– Что в этом такого? Она так красива и, верно, и нежном возрасте была прелестнейшим ребенком. Можно ли за это осуждать?

– Ах, Алешка, погубит тебя твоя доброта. Ты во всем ухитряешься видеть только хорошее. Слушай, как у тебя это получается?

– Не знаю, но все-таки отчего ты так говоришь?

– Господи, да Сонька – чума для нашего брата! Поверь мне, я знаю, ведь я сам был в нее влюблен. Ах, если бы от неразделенных чувств умирали, вокруг тетушкиного дома было бы преизрядное кладбище. Ну, вдобавок к тому, что имеет дядюшка. Да не смотри ты так! Видишь ли, у всякого врача есть свое кладбище, причем у хорошего оно иной раз не меньшее, чем у дурного. Ведь к знающему доктору идет больше пациентов, не так ли?

– Откуда в тебе столько цинизма?

– Цинизма? Отнюдь, это, брат, чистый реализм.

– Так где ты был?

– Ну, я некоторым образом тоже был ранен стрелой амура. Правда, предмет моей страсти не столь идеален, как твой, но, по крайней мере, мое свидание увенчалось куда большим успехом.

– Ты влюблен?

– О боже, ну конечно! Я люблю весь мир, родителей, дядюшку, тетушку, прекрасную Софию и... даже тебя! Хочешь расцелую?

² Уроками – то есть репетиторством.

– Уволь, – уклонился от объятий Лиховцев, – так ты был на свидании со всем миром? Нельзя не заметить – ты быстро управился!

– О, мой влюбленный друг снова обрел возможность язвить. Алешка, ты явно небезнадежен! Нет, я был на свидании только с одной представительницей человечества, а что касается времени, то посмотри на часы. Уже за полночь!

– Да, а я и не заметил...

– Вот уж действительно, влюбленные часов не наблюдают! Ладно, давай спать, завтра дел много.

Девушка, имя которой Николаша так и не назвал, тем временем кралась по дому к своей каморке. Несколько раз она натыкалась в темноте на предметы мебели, но, слава богу, не производила особого шума. Наконец добравшись до жесткого топчана, она торопливо скинула передник, платье и чепец и, оставшись в одной рубашке, юркнула под холодное одеяло. В этот момент она все-таки задела стоящий на столе ковш, и тот с грохотом упал на пол.

– Что такое? – всполошилась проснувшаяся Акулина.

– Ничего, тетя, я нечаянно. Пить захотелось, а черпак-то и упал...

– Вот бестолковая девка, – ругнулась в сердцах тетка, – за что не возьмешься, все у тебя из рук валится. В прежние времена быть бы тебе, Дунька, драной!

Через несколько дней в уездной больнице, коей имел честь руководить Модест Давыдович, собрался весьма представительный консилиум. Можно сказать, что в актовом зале богоугодного заведения присутствовал весь городской бомонд.

Главной фигурой, несомненно, был уездный предводитель дворянства, отставной капитан-лейтенант флота князь Алексей Николаевич Ухтомский. Довольно представительный мужчина средних лет, густые бакенбарды которого только начала серебрить седина, помимо всего прочего, состоял председателем местной земской управы, почетным мировым судьей и был непременным участником всех мало-мальски значимых событий в жизни Рыбинска. Какой-то неведомый остролов даже как-то сказал, что без архиерея водосвятие пройти может, а вот без князя Ухтомского никак.

Власть судебную представлял еще один почетный мировой судья статский советник Владимир Сергеевич Михалков. Главным качеством сего достойного государственного мужа было то, что про него ничего нельзя было сказать предосудительного. Хорошего, правда, тоже никто не знал.

Закон Российской империи представлял уездный прокурор, коллежский асессор Алексей Васильевич Воеводский. Невысокий круглолицый толстячок, он был любителем хорошо поесть, поволочиться за дамами и искренне полагал себя местным Цицероном. Во всяком случае, выступая в суде, он со вкусом произносил пространные речи, начало которых нередко забывал к концу.

Было еще двое коллег Батовского – здешние врачи коллежский советник Юлий Иванович Смоленский и не имеющий чина Генрих Исаевич Гачковский, представлявшие многострадальную российскую медицину.

Последним по списку, но не по значению, был полицейский исправник Карл Карлович Фогель. Несмотря на имя и фамилию, этот худой огненно-рыжий человек был, может быть, в глубине души, более русским, чем многие из присутствующих. Совершенно неприспособленный к бюрократической писанине, он до крайности любил живое полицейское дело и за всякое происшествие брался с таким жаром, что нередко, увлекшись, попадал впросак. Впрочем, его служебный формуляр также украшали раскрытия нескольких довольно громких по здешним местам дел. Начальство, с одной стороны, ценило своего сотрудника, умеющего находить нестандартные решения и давать, таким образом, результат, с другой – опасалось его неумной энергии и потому предпочитало держать в провинциальном Рыбинске, не рискуя перевести

даже в Ярославль, не говоря уж о Москве. В общем, коллежский асессор Фогель был человеком увлекающимся, но вместе с тем умным и дотошным, хотя многие небезосновательно считали его чудаком, если не сказать хуже.

Причиной такого нашествия важных чинов был, как ни странно, тот самый пациент, найденный полицейскими на болотах и попавший туда не то из туманного грядущего, не то из деревни Будищево. Нашел его, разумеется, Фогель, и он же обратил внимание на странное поведение, одежду и речи неизвестного. Собрались же они на предмет освидетельствования и признания одного здоровым или душевнобольным.

Пока важные господа располагались по приготовленным для них местам, Модест Давыдович кликнул больничного сторожа Луку и велел ему привести пациента.

– Слушаюсь, ваше благородие, – рявкнул тот, вытянувшись во фрунт, и не мешкая отправился выполнять распоряжение.

Лука был из отставных солдат. Проведя в армии почти двадцать лет, он вернулся в родные края и, не найдя никого из родных, поступил служить в больницу. К обязанностям своим относился ревностно, территорию держал в чистоте, а при необходимости играл роль санитаря.

Человек, за которым его послали, тем временем лежал на жестком топчане, прикрытом жидкой рогожкой, и о чем-то напряженно размышлял. На вид ему можно было дать лет около двадцати – двадцати двух. Выше среднего роста, худощавый и коротко стриженный, он был мало похож на других обитателей своей палаты, вместе с которыми он только что вернулся с прогулки. Вообще, душевнобольным прогулок не полагалось, однако Модест Петрович считал, что свежий воздух совершенно необходим для окисления крови и, следовательно, для нормального функционирования организма, и потому сумел настоять, чтобы больных выводили гулять, хотя бы и под неусыпным наблюдением Луки.

В голове пациента скорбной палаты неторопливо крутились прихотливые мысли. «Блин, вот засада-то! Какой только черт меня на болото занес? Самое главное, реально ведь не помню, как там оказался. Помню, чавкало под ногами, потом проваливаться стал. Сначала по колено, затем по пояс, потом чуть совсем не утонул...»

– Извините, – отвлек его от размышлений чей-то шепот.

Покрутив головой, он наткнулся глазами на соседа. В отличие от других обитателей психушки, этот выглядел относительно вменяемым, разве что излишне пугливым. Впрочем, учитывая место, где они находились, ничего странного в этом не было.

– Извините, – снова прошептал сосед.

– Чего тебе?

– Ради бога, не оборачивайтесь! И говорите тише, нас могут услышать.

– Хорошо-хорошо, ты только не нервничай.

– Прошу прощения, мы совсем не знакомы, но...

– Дмитрий.

– Что?

– Дмитрием, говорю, меня зовут.

– Подождите, вы что, вспомнили свое имя?

– Ну да, вспомнил.

– А по батюшке?

– Отчество не вспомнил, – грубовато отрезал тот, видимо уже жалея, что начал этот разговор.

– Простите великодушно, – тут же раскаялся сосед, – я, кажется, совсем отвык от хороших манер в этом богоугодном заведении. Меня зовут Всеволодом Аристарховичем, и мне очень приятно с вами познакомиться.

– Взаимно, – процедил сквозь зубы Дмитрий и демонстративно отвернулся.

Однако его соседу, видимо, наскучило долгое молчание, или, может быть, у него случилось просветление, но так просто отделаться не получилось.

– Простите, – продолжал он так же шепотом, – вы так напряженно озирались во дворе на прогулке... Вас тоже хотят убить?

– Это вряд ли. – Хмыкнул в ответ новый знакомый. – Свести с ума почти наверняка, а вот грохнуть – нет.

– Грохнуть?

– Грохнуть, кокнуть, помножить на ноль, – с готовностью пояснил ему новый знакомый.

– Как это, – озадачился его собеседник, – при умножении на ноль будет ноль.

– Подумать только, ты еще и в математике шаришь!

– Шарю?

Разговаривать с соседом стало не интересно. Понятно, что у человека мания преследования. Ему все время казалось, что за ним следят и, если обнаружат что-то, то непременно убьют. Что такое это «что-то», он и сам не знал и потому боялся всего. В другой раз это было бы смешно, но сейчас было не до смеха.

– Кажется, я вас понял, – снова раздался шепот, – да, я разбираюсь в математике. Ведь я прежде учительствовал в гимназии.

– Офигеть!

– Что простите?

– Ну, в смысле, капец. Учитель в дурке. Хотя, если подумать, ничего удивительного, детки кого угодно доведут. Сам такой был.

– Вы учились в гимназии?

– Типа того.

– Нет, вы не правы, – сосед неожиданно сбросил с себя боязливость и заговорил обычным голосом. – Мои ученики были прекрасные ребята, и я с ними чудесно ладил. И я бы до сих пор преподавал им, если бы не эти... преследователи...

Сосед на минуту стал похож на нормального человека, с которым можно иметь дело, и Дмитрий решил. Во всяком случае, особого выбора все равно не было. Этот хоть говорит, остальные обитатели дурки вообще не ку-ку.

– Вообще-то я искал проволочку.

– Какую проволочку? – изумился бывший учитель.

– Да любую, хоть бы даже и алюминиевую. Лучше, конечно, стальную, но...

– Какую-какую, – изумлению бывшего учителя не было пределов, – вы всерьез рассчитывали найти здесь алюминиевую проволоку?³

– Подошла бы и железная, медная, в общем любая...

– Да откуда же ей здесь взяться? В конце концов, у нас тут больница, а не кузня. Да уж и там она вряд ли валялась бы на земле, металл-то денег стоит. Нет, вы решительно сумасшедший!

– Сам псих!

– Что, простите?

– Ничего, отстань.

– Вы обиделись? Ну, извините, но, право же, найти на земле вот так просто алюминиевую проволоку это совершенно дикая идея!

Глаза бывшего преподавателя в гимназии начали сверкать, согнутая доселе спина распрямилась, и он начал с жаром объяснять своему новому знакомому всю глубину его заблуждений.

– А в глаз? – прервал тот его монолог.

³ В те времена алюминий добывался только лабораторным путем и стоил ничуть не меньше золота.

– Что, простите? – выпучил глаза Всеволод.

– Ничего, вали отсюда, – с досадой отвернулся от соседа Дмитрий, давая понять, что разговор окончен.

– Как валить?

– Отстань, придурок!

Тот на какое-то время замолк, очевидно, обидевшись, но затем любопытство все-таки взяло верх, и он опять шепотом спросил:

– А зачем вам проволока?

В этот момент с ужасным скрипом отворилась тяжелая дверь, и на пороге появился Лука. При виде его даже совершенно невменяемые душевнобольные как-то съежились, а бывший учитель просто сделал вид, что его здесь нет.

– Выходи! – велел он, глядя на Дмитрия.

– Куда это?

– Не кудахтай, а делай, что велено! Их благородие дохтур тебя требуют.

Спорить с дворником не хотелось, да и было бессмысленно. За то время, что найденный на болоте провел в больнице, он успел понять, что Лука с больными не церемонится, без стеснения пуская в ход кулаки, а заступиться за них было некому. Поэтому он быстро поднялся и, запахнув на груди серый халат, вышел из палаты. Подождя, пока провожатый закроет дверь, Дмитрий снова бросил беглый взгляд на замки. Их было два: один, врезанный в массивную дубовую дверь, выглядел не очень надежным, а второй вешался в петли только на ночь. Было бы у него пару кусков проволоки, можно было бы попытаться открыть. Главное, чтобы психи шум не подняли, как этот Всеволод.

Вообще, в том, что угодил в местную палату номер шесть, Дмитрий был виноват сам. Когда его вытащили из болота, он был в такой эйфории, что совершенно перестал соображать. Увидев диковинную форму, начал расспрашивать, какое кино тут снимают. Затем, сообразив, что это не киношники, впал в истерику и, давась от нервного смеха, стал кричать им, что этого не может быть, что они все давно умерли, и, как и следовало ожидать, его потащили к врачу. Уже оказавшись в больнице, он успокоился и начал понимать, что все это взаправду. Во-первых, везли его связанным в телеге, запряженной самой настоящей лошадью. Во-вторых, в больнице не было электричества. Перед входом тускло горел какой-то непонятный фонарь, как потом он узнал – газовый. А кабинет человека, которого он про себя окрестил главврачом, и вовсе освещался свечами. Все это было настолько дико, что все, что он смог – это отвечать на все вопросы: «Не помню». Кажется, доктор, которого все называли чудным именем Модест Давыдович, ему поверил. К тому же он явно был в контрах с полицией и совершенно не считал необходимым это скрывать. С новым пациентом он, впрочем, был почти вежлив. «Смотрите сюда. Дышите. Не дышите. А не помните ли, сколько в фунте золотников? А не знаете ли, сколько аршин в сажени?⁴» Разумеется, он отвечал, что ничего не помнит и не знает.

– Вот, ваши благородия, доставил! – гаркнул отставник, втолкнув своего подопечного в кабинет Батовского.

Тот запнулся и едва не упал, но, вовремя схваченный могучей рукой дворника, устоял и с досадой увидел перед собой того самого полицейского, которому кричал, что тот уже умер.

– Благодарю, Лука, – поблагодарил Модест Давыдович своего подчиненного, – можешь отпустить пациента, он нам ничего худого не сделает. Не правда ли? Впрочем, покуда далеко не уходи.

– Конечно, господин дохтур, нешто я службу не знаю!

Взгляды членов комиссии скрестились на доставленном, как острия шпаг. Одни смотрели с любопытством, другие равнодушно, третьи подозрительно. Не было лишь сочувствую-

⁴ Фунт, золотник – старинные меры веса. Аршин, сажень – меры длины.

щих. Тот тоже не без интереса оглядел присутствующих, потом повел взглядом вокруг и, сообщив, что стула для него не приготовили, еле заметно пожал плечами.

– Вы можете назвать свое имя? – начал опрашивать его Батовский.

– Дмитрий, – помедлив секунду, отвечал он.

– Вот как? – удивился врач. – Прежде вы его не говорили.

– Только сегодня вспомнил.

– Что же – недурно! А фамилия?

– Не помню.

– Да что на него смотреть! – раздался голос Михалкова. – Ведь ясно же, как божий день, что это революционер!

Последнее слово почтенный судья проговорил, как выплюнул, и тут же оглянулся на остальных членов комиссии, желая узнать их реакцию.

Ухтомский остался невозмутим, прокурор явно напрягся, а врачи нахмурились. Фогель же почтительно наклонил голову, выставив на всеобщее обозрение идеальный рыжий пробор, и твердо заявил:

– Полицейский департамент не имеет сведений о пропагандистах или иных государственных преступниках с такими приметами.

– И что с того? – бросился в атаку Воеводский. – То, что на этого субъекта нет до сих пор порочащих сведений, совершенно не означает, что он не является представителем, так сказать, организаций, некоторым образом имеющих отношение...

Присутствующие члены комиссии хорошо знали манеру прокурора произносить речи и потому были готовы стоически ее перенести, но вот человека, назвавшегося Дмитрием, надолго не хватило.

– Типа, если я на свободе, то это не моя заслуга, а ваша недоработка? – не выдержав, спросил он.

Срезанный на полуслове прокурор ошарашенно замолчал, Ухтомский наконец проявил интерес к происходящему, а врачи фыркнули в кулаки от смеха.

– Господа, – снова начал Фогель, – во время дознания возникла версия, что этот человек родом из деревни Будищево нашего уезда. Поскольку она деревня находится недалеко от места его поимки, определенная вероятность подобного есть.

– Помнится, была еще одна версия, – не без ехидства в голосе заметил Батовский, заслужив неприязненный взгляд полицейского.

– Эту версию мы рассмотрим позднее, – сухо ответил исправник и хлопнул в ладоши.

Услышав этот сигнал, из неприметной боковой двери в зал вошли два прелюбопытных субъекта. Один из них – тщедушный лысый мужичок с угодливым и вместе с тем хитрым выражением лица. Второй был священником, но каким! Если на былинного богатыря, каковыми рисуют их нынешние художники, надеть выдавший виды, грубо заштопанный в нескольких местах подрясник, а лицу, обрамленному абсолютно седой бородой, придать выражение крайнего упрямства, то как раз получится описание одного из приглашенных господином исправником.

– Что вы еще затеяли, дражайший Карл Карлович? – не без сарказма в голосе осведомился врач.

– Выполняю свой долг, – сухо ответил исправник, не забывший, как Батовский поднял его на смех.

– Весьма похвально, и в чем же вы его видите?

– В том, чтобы установить личность человека, найденного на болотах.

– Того самого, что прибыл к нам не то из будущего, не то из деревеньки Будищево?

– А вот это мы сейчас и выясним. Эти господа как раз будищевские. Тамошний староста Кузьма и приходской священник отец Питирим. Они всю жизнь там прожили и всех своих знают.

– Разумно! – наконец нарушил свое молчание князь Ухтомский, и все присутствующие тут же поддержали его. Дескать, в сложившейся ситуации и придумать ничего лучше нельзя.

– Посмотрите внимательно, господин неизвестный, не узнаете ли вы кого из этих господ? – спросил исправник, дождавшись тишины, и указал на своих спутников.

– Первый раз вижу, гражданин начальник, – буркнул ему в ответ Дмитрий и тут же прикусил язык. Никто из окружающих не обращался к другим «гражданин», походу, это словосочетание из других времен.

Полицейский, разумеется, сразу же заметил эту оговорку, но сделал вид, будто не обратил внимания, и повернулся к пришедшим на опознание.

– А вы что скажете, любезнейший? – спросил он у старосты.

– Не из наших он, ваше благородие, – отвечал ему Кузьма и поклонился, – нет, мы своих всех знаем.

– Значит, все-таки не будищевский?

– Нет, барин, не из наших.

– Да бунтовщик он! – снова подал голос Михалков. – По глазам вижу, что он, шельмец, противу существующей власти злоумышляет.

– А вы что скажете, отче? – продолжал допрос Фогель.

Священник вышел вперед и внимательно осмотрел найденного в болотах человека, будто оценивая.

– Ну и?

– На Прасковью он похож, – задумчиво пробасил поп.

– Какую еще Прасковью? – удивленно уставился на него староста.

– Как какую, ту самую, что ваш старый барин в дворовые к себе взял.

– Эва чего вспомнил, это когда было-то!

– В аккурат, как Крымская война началась.

– Это вы к чему, батюшка? – напрягся исправник. – Я вас об этом человеке спрашиваю, а не о какой-то там Прасковье!

– Погодите, ваше благородие, сейчас все по порядку обскажу. Старый барин в ту пору еще жив был и хоть и летами немолодешенек, а грех Адамов-то куда как любил.

– И что?

– Как что, Прасковья-то хоть и сирота была, а девка видная. Вот он на нее глаз-то и положил, а потому велел Кузькиному отцу, тогда еще он старостой был, отправить ее, значит, в барский дом для услужения.

– Отче, – нахмурился исправник, – вы для чего нам сейчас это все рассказываете?

– Ну, как же, у Прасковьи-то вскорости младенчик родился, я сам его и крестил, в честь Дмитрия Солунского. По годам совсем как ваш найденный выходит, да и лицом схож.

Услышав про барина и о его возможном отцовстве, пациент невольно вздрогнул, что не укрылось от внимательно наблюдавших за ним членов комиссии.

– Вы что-то вспомнили?

– Нет, – неуверенно покачал он головой, – кроме имени – ничего.

– Ишь ты, – неожиданно воскликнул Кузьма, – а ведь он на барина старого смахивает!

– Почему на барина? – не понял поначалу полицейский, вызвав приступ смеха у Батовского.

– А вы, милостивый государь, полагали, что оный младенчик от непорочного зачатия на свет произвелся?

Слова Модеста Давыдовича, а главное – недоуменный вид полицейского вызвали всеобщий смех, который, однако, тут же пресек священник.

– А вы бы, господин доктор, не богохульствовали! – резко осадил его отец Питирим.

– Не буду, не буду, – замахал руками Модест Давыдович, гася смех.

– Ну, положим так, – задумался исправник, бросив неприязненный взгляд на врача, – а где они потом обретались?

– Известно где, – пожал плечами староста, – так в господском доме и жили, а когда волю объявили, так старый барин поначалу не верил. Все кричал, дескать, не может того быть, чтобы благородное дворянство их прав лишили. Ну а как понял, что манифест не поддельный, так с горя и запил. Да так крепко, что господь его и прибрал.

– А Прасковья-то куда делась с ребенком?

– А кто их знает. В шестьдесят третьем-то крепость для дворовых людей кончилась, так они и ушли куда глаза глядят. Больше их в деревне никто и не видел.

– А не видели ли вы, любезные, на теле ребенка Прасковьи вот таких знаков? – спросил Батовский и велел Дмитрию снять больничный халат.

Тот нехотя повиновался и открыл взорам присутствующих свое тело. Впрочем, ничего особенно примечательного на нем не было, если не считать непонятную надпись под левым соском на груди, включающую буквы, скобки и римскую цифру три. Рисунок на левом плече был еще более чудным, однако человек, бывавший на Востоке, сразу бы узнал в них китайские иероглифы.

Члены комиссии с большим любопытством осмотрели татуировки, причем Михалков, чтобы лучше рассмотреть, даже привстал с кресла, а Воеводский вставил в глаз монокль.

– Что скажете?

– Да кто же его разберет, ваше благородие, – помялся староста, – такого раньше не видал, врать не стану, а только...

– Что, только?

– Да старый барин, он как бы не в себе иной раз был...

– Это как?

– Да чудил, прости Господи его душу грешную, – пробасил священник, – он в молодости на флоте служил, да в дальних странах побывал. У него на теле тоже всякие бесовские картины были наколоты. Мог и младенцу повелеть наколоть, тут как уж теперь узнаешь.

– Стало быть, опознаете этого человека?

– Так точно, ваше благородие, опознаем. Наш он, Митька, стало быть.

– А фамилия?

– Так мы это, в Будищеве-то все Будищевы!

– Откуда только у вашей деревеньки эдакое название заковыристое?

– Так это, тоже все через старого барина.

– Как это?

– Ну, батюшка же рассказывал, что он до баб охоч был. Так нашу деревню Блудищево и прозвали. Ну, а как перепись проходила, господа переписчики посмеялись, конечно, но сказали, что не годится таким названием ланд-карты портить и переделали на Будищево. Вот с тех пор и пошло.

– Ладно, так в протоколе и напишем, что в найденном на болоте неизвестном опознан Дмитрий Будищев, бывший дворовый господ... как вашего барина-то?

– Известно как, господин Блудов.

– Тогда понятно, бывший дворовый господ Блудовых. А может, не бывший?

– Да кто же его знает? Старый барин-то, как помер, наследники его так и не показывались. Управляющего только прислали, а сами ни ногой. То в Париже, то в Петербурге, то еще где.

– Это что же получается, господа? – неуверенно промямлил Михалков, щипнув себя за кончик роскошных усов. – Этот молодой человек – не бунтовщик?

– Пока не доказано обратное – нет! – решительно заявил Воеводский. – Поскольку главным принципом российского судопроизводства является «*praesumptio innocentiae*»⁵, то никто не может быть обвинен без достаточных на то совершенно неопровержимых, так сказать...

– Господа, – прервал спич прокурора Ухтомский, – я полагаю, что опознание произведено с соблюдением всех необходимых формальностей.

Услышав спокойный и твердый голос предводителя уездного дворянства, прокурор замолчал, а все прочие взглянули на Алексея Николаевича не без благодарности.

– Однако необходимо также установить, является ли он душевнобольным? И если да, то какого именно рода?

– А они что, между собой различаются? – удивленно спросил судья.

– Именно так, многоуважаемый Владимир Сергеевич, – охотно пояснил Батовский. – Дело в том, что когда душевная болезнь врожденная, то таковые несчастные именуются безумными. А вот если недуг, если можно так выразиться, благоприобретенный, то – сумасшедшими!

– Скажете тоже, Модест Давыдович, – забулькал от смеха Михалков, – благоприобретенный! Экая умора...

– Такова уж медицинская терминология, – пожал плечами врач.

– Господа, давайте вернемся к делу, – постарался вернуть заседание в рабочее русло князь Ухтомский. – А то ведь обед скоро!

– Да-да, господа, – поспешно согласился с ним прокурор, – но тут уж нашим врачам и карты в руки, что скажете, господа-доктора?

– Я не вижу признаков безумия, господа, – неуверенным голосом начал Гачковский, – что же касается возможности его сумасшествия, то полагаю, необходимо более длительное наблюдение...

– А подушную подать за этого шельмеца в это время кто платить будет? – ехидно осведомился прокурор. – Не надо забывать об интересах казны!

– Ваша позиция понятна, – снова прервал словоизлияния Воеводского князь и повернулся, – а какое ваше мнение, Юлий Иванович?

– Я совершенно согласен с коллегами, – быстро сказал Смоленский.

– Да? – искренне удивился предводитель дворянства. – Но ведь они еще не все высказались. Впрочем, пусть будет так. Каков будет ваш вердикт, Модест Давыдович?

Батовский пожал плечами и, на секунду задумавшись, ответил:

– Для более точного диагноза, как совершенно верно заметил коллега Гачковский, необходимо еще несколько времени. Однако уже можно сказать, что недуг пациента если и существует, то не несет опасности окружающим. К тому же наша уездная больница все же не является психиатрической. Посему, если односельчане не против принять человека, опознанного как Дмитрий Будищев, то у меня нет возражений. Тем более что «казна», как совершенно справедливо заметил господин Воеводский, не бездонная, не говоря уж о средствах, отпускаемых на содержание богоугодных заведений, к числу коих относимся и мы, многогрешные.

– Неужели ваш бюджет столь мал? – изогнул бровь Ухтомский, тут его взгляд встретился с глазами забытого всеми священника, продолжавшего стоять в сторонке и внимательно слушавшего все, что говорят присутствующие.

Отец Питирим весьма выразительно взглянул на князя и едва заметно кивнул головой. Тот на мгновение смешался, но тут же взял себя в руки и продолжил:

⁵ *Praesumptio innocentiae* – презумпция невиновности (лат.).

– Что же, если все действительно обстоит подобным образом, то у меня нет возражений. В конце концов, мало ли по нашим деревням дурачков бегают? Одним больше – одним меньше! К тому же, вероятно, обед уже стынет?

Присутствующие в ответ дружно засмеялись и ничуть не менее дружно заторопились к выходу. Признанного здоровым пациента увел Лука, а Батовский, исполняя роль гостеприимного хозяина, встал у выхода:

– Прошу, господа, прошу! Чем богаты, тем и рады, отведайте, что бог послал.

Когда идущий последним Фогель поравнялся с ним, Модест Давыдович не удержался и спросил его:

– Что, дражайший Карл Карлович, не подтвердилась версия о посланце грядущего?

Рыжий полицейский неожиданно улыбнулся в ответ и пожал плечами.

– Да уж, говоря по совести, такого афронта я не ожидал!

– Но неужели вы и впрямь полагали, что эта басня о путешествии во времени может быть правдой?

– Нет, конечно! Я как раз был уверен, что этот человек из пропагандистов, коих много развелось в последнее время. Просто в картотеке его нет, задержать особо не за что, а вот в вашем бедламе подержать, пока все не выяснится, показалось мне весьма привлекательной идеей.

– Погодите, вы что же, хотели использовать мою больницу как узилище? – возмутился Батовский.

Но довольный Фогель уже ушел, насвистывая, оставив доктора возмущаться коварству полиции в одиночестве.

Быстро покончив с формальностями, исправник велел старосте и священнику отправляться восвояси, прихватив с собой неожиданно-негаданно обретенного односельчанина. Тот тем временем сдавал больничный халат и кальсоны с тапками и получал назад свои вещи. Последних было немного, и выглядели они, мягко говоря, непрезентабельно. Странные узкие штаны, более всего похожие на кальсоны, но из грубой ткани и с нашитыми на зад карманами, и узкая пятнистая рубаша с короткими рукавами. Постирать их после болота, конечно же, никто не удосужился, слава богу, хоть просушили. Обувь, верхней одежды или шапки на нем не было, очевидно утонули в трясине. Быстро переодевшись, Дмитрий вопросительно посмотрел на свои босые ноги.

– Поторапливайся, – буркнул ему дворник.

– Это все?

– Все, в чем был, – отрезал седой здоровяк.

– Послушай, как тебя, Лука, – нерешительно спросил Дмитрий, – босиком-то холодно, можно хоть тапки оставить?

– Ишь чего захотел! Не положено!

– Слушай, старый, на то, что положено, давно наложено. Ну, чего тебе стоит, сделай по-братски?

– Иди отсюда!

Сказано это было таким безапелляционным голосом, что просить или спорить расхотелось. Поэтому Дмитрий, морщась, когда под босые ступни попадали камешки, пошлепал к выходу, к ожидавшим его старосте и попу. К воротам тем временем подъехала запряженная парой коней пролетка с какими-то важными господами, и сопровождавший его дворник тут же засуетился, позабыв про подопечного. Открыв калитку, он вытянулся во фрунт и, приложив два пальца к козырьку, отдал честь. Два молодых человека в военной форме тут же выпрыгнули из экипажа и, подав руки, помогли выйти ехавшей с ними барышне. Та, грациозно ступив на грешную землю, улыбкой поблагодарила своих спутников и вдруг увидела странного человека,

беззастенчиво глазающего на нее. Вид его был так нелеп и вместе с тем забавен, что девушка не удержалась и звонко рассмеялась, прикрывая рот ладошкой, одетой в лайковую перчатку. Ее спутники поначалу удостоили оборванца совсем недобрым взглядом, но затем, рассмотрев хорошенько, тоже принялись смеяться. Дмитрий же продолжал стоять как громом пораженный, не в силах оторвать глаз от прекрасной незнакомки. Наконец, Лука заметил непорядок и сильно пихнул бывшего пациента, отчего тот отлетел кубарем.

– Пшел прочь, дурень! – гаркнул дворник и снова вытянулся перед приехавшими. – Прошу, господа!

Молодые люди, продолжая улыбаться, прошли внутрь, не удостоив больше взглядом забавного оборванца. Но вот ему выходка дворника не показалась забавной, и он подошел к закрытой уже калитке.

– Ты нафига это сделал, старый хрыч? – с угрозой в голосе спросил он.

– Иди отселева, убогий, – отмахнулся Лука, – а то вдругорядь не так еще получишь!

– Ладно, встретимся еще на узкой дорожке, – пробормотал тот.

– Эй, Митька, долго тебя ждать? – закричал староста, уставший ждать нового односельчанина, и тут же обернулся к священнику. – И чего ты, отец Питирим, вспомнил про эту Прасковью с ее ублюдком?

– Сам, поди, знаешь, – буркнул в ответ поп.

– Думаешь, выйдет?

– Как Бог даст.

– Ну-ну, – протянул Кузьма и велел подошедшему Дмитрию, – садись, паря, путь не близкий.

Тот, не перечая, запрыгнул в телегу и едва не провалился в устилавшем ее дно мягком сене.

Расстроенный Модест Давыдович обедал совершенно без аппетита, чего нельзя было сказать о прочих присутствующих. Впрочем, долго это не продлилось, и вскоре радушный хозяин провожал членов высокой комиссии. Те, откушав, пришли в хорошее расположение духа и, отбывая, считали своим долгом сказать Батовскому несколько любезных слов, что, однако, не слишком улучшило его настроение.

– Вас что-то беспокоит, коллега? – осторожно спросил его более внимательный Гачковский, когда начальство разъехалось.

– Нет, благодарю вас. Ничего заслуживающего внимания, так – мелкие неприятности.

– А о какой еще версии говорил господин Фогель? – осведомился Владимирский.

– Да так, ерунда. Просто из-за созвучия названия деревни Будищево поначалу решили, будто этот самый Дмитрий кричал, что он из будущего!

– Любопытно, и что же вы?

– Как видите, к вящему моему сожалению, ничего подобного не выяснилось.

– Простите, но как вас понимать? – напрягся коллежский советник.

– Ну, посудите сами, Юлий Иванович, кем себя обычно воображают душевнобольные? Наполеонами, Цезарями, на худой конец, испанскими королями. Скучно! А тут, ни много ни мало, посланник грядущего! Впору диссертацию писать.

– Ах, вы в этом смысле, коллега. Да уж, тут с вами нельзя не согласиться, прелюбопытнейший мог быть случай.

– Кстати, а вы обратили внимание на его одежду? – осторожно спросил Гачковский.

– Пустое, – отмахнулся доктор, – одежда, конечно, престранная, однако местные дворяне своих дворовых как только ни одевали. Этот самый старый барин, господин Блулов, капитан-лейтенант в отставке, в прежние времена куда как больше чудил. Однажды дошел до того, что велел пошить для двора древнеримские хитоны и тоги. Представление захотел устроить

для соседей, понимаете ли, из Плутарха! Причем весьма короткие, особенно для девиц. А тут кальсоны с карманами, подумаешь!

– И чем все закончилось?

– Что именно?

– Ну, представление из Плутарха?

– А, так, покуда он эдак со своими дворовыми чудил, все тихо было. Когда же он удумал деревенских баб в такое же переодеть, тут у него усадьба-то ночью и загорелась.

Пока озадаченный врач раздумывал над превратностями судьбы старого помещика, в коридоре послышался шум, и через минуту в кабинет влетела очаровательная дочка земского доктора Софья со своими спутниками.

– Папочка, мы тебе не помешали? – прощепетала она своим мелодичным голосом. – Просто, как оказалось, Николаше и Алексею Петровичу уже пора в полк, а они не хотели уезжать не попрощавшись.

– Не смеем вам мешать, – откланялись Владимирский с Гачковским.

Софи изобразила в ответ книксен, Модест Давыдович кивнул, а господа вольноопределяющиеся откозыряли.

– Как хорошо, что вы зашли, дорогие мои, – растроганно заявил Батовский. – Вы, Николай, мне как сын, и я счастлив и горд, что вы с Алексеем отправляетесь воевать за правое дело! Я как врач, разумеется, не одобряю насилия вообще и войну в частности, но все же не могу не признать, что в данном случае она абсолютно оправданна и, более того, благородна! От всей души желаю вам вернуться домой живыми и здоровыми. Храни вас Бог, дети мои!

Договорив, он обнял и расцеловал сначала Николашу, затем Лиховцева и, прослезившись, полез в карман за платком. Молодые люди также были смущены и растроганы, особенно Алексей. Софья в течение всего дня была неизменно ласкова с ним и вообще вела себя так, будто они уже помолвлены. Все это наполняло его душу таким восторгом, что он и думать не мог ни о чем другом, кроме своего счастья. Что ему война и все османские башибузуки разом, если его любит такая девушка! Его состояние настолько бросалось в глаза, что Николай попытался отвлечь внимание от своего приятеля.

– Кстати, дядюшка, когда мы приехали, ваш Лука выпроваживал из больницы какого-то престранного субъекта. Верно, кто-то из ваших пациентов?

– Да, я тоже обратила внимание, – подхватила Софья, – очень странный молодой человек.

– А, так это тот самый «посланник грядущего», о коем мы давеча разговаривали с господином Иконниковым, – сообразил Батовский.

– Вы его уже выписали?

– Да. Его, изволите ли видеть, опознали, имя он вспомнил. Здоровье у него на зависть, так чего же его держать? Суммы, отпускаемые нашим ведомством на содержание больницы, совсем невелики, а частная благотворительность нынче направлена на дела балканские.

– И кто же сей несчастный?

– Некто Дмитрий Будищев, родом из одноименного села.

– У него странный наряд для крестьянина, – задумчиво заметила Софи.

– Да и для горожанина тоже, – засмеялся жизнерадостный Николаша.

– Он из бывших дворовых Блудовых, – пояснил Модест Давыдович, – хотя я сразу это заподозрил.

– А почему.

– Ну, посудите сами, телом довольно крепок, значит, не голодал. Руки не мозолисты, стало быть, тяжелым трудом не занимался. Речь довольно сильно отличается от простонародной, впрочем, от господской тоже. Ну и самое главное, не похож он на человека благородного. Сразу видно, из кухаркиных детей.

Прежде Дмитрию приходилось бывать в селе, но вот к увиденной им картине он оказался совершенно не готов. Будищево была небольшой деревенькой, состоявшей из двух десятков изб, построенных без всякого плана. Чуть на отшибе от нее стоял заброшенный господский дом и жавшаяся к нему, покосившаяся от времени церквушка, где служил отец Питирим. В самой деревне было только три дома, покрытых дранкой и с трубами от печей. Крыши остальных были соломенными и топились по-черному. Большинство местных обитателей ходили босиком и в такой одежде, что его собственная после стирки могла бы показаться вполне приличной. Однако самым большим потрясением для него было то, что он, оказывается, ничего не умеет. Просто совсем! Ни косить, ни пахать, ни плотничать, ни обращаться с лошадьми, вообще ничего. Поняв, что за «сокровище» прибило к их берегу, мир определил его пасти деревенское стадо. Обычно этим занимались дети, но куда еще прикажете девать совершенно безрукого великовозрастного балбеса? Вообще, если бы не отец Питирим, Митьку-дурачка, как его теперь называли, скорее всего, выгнали бы прочь, но священник пользовался в деревне почти непререкаемым авторитетом. «Почти», потому что главным в деревне был – мир. Правильнее даже – Мир. Мир – это все население деревни. Даже староста Кузьма был всего лишь первым среди равных. А Мир – это все. Мир решал, кому какой надел достанется. Мир решал, сможет ли жениться парень на полюбившейся ему девке. Мир решал, кому идти в рекруты на царскую службу, впрочем, года три назад царь Александр-Освободитель отменил рекрутчину, и одной заботой у мира стало меньше.

А пока Дмитрий пас вместе с местными мальчишками коров, следя, чтобы буренки не разбежались. Кормили его всей деревней по очереди, как это и принято было с пастухами. Семьи были большими, ели из одного горшка по очереди, каждый своей ложкой. Пищей обычно служила каша, в лучшем случае приправленная салом, а то и просто постная. Однажды он попытался зачерпнуть варево не в очередь, и глава семьи, довольно дряхлый на вид дед, больно щелкнул его своей ложкой по лбу. С этим нехитрым столовым прибором тоже была проблема. Обычно их каждый строгал себе сам, исключая разве что самых маленьких. Ножа у него не было, да и выстрогать ее самостоятельно вряд ли получилось бы. Выручил один из сыновей Кузьмы, пожалевший бестолкового городского и подаривший свою старую. Другой бедой было отсутствие обуви. Сами крестьяне ходили босиком или в лаптях. Единственным обладателем сапог в селе был отец Питирим, но и тот обувался, лишь отправляясь в город, да еще по большим праздникам, в прочие дни довольствуясь, как и все, лаптями. Дмитрий плести лапти не умел, а ходить разутым не привык. К тому же по утрам было еще довольно холодно. Но деваться было некуда, приходилось потихоньку привыкать к неудобству.

В обед к стаду приходили бабы и доили своих коров. Одна из них приносила краюху хлеба и отливала пастуху молока в кружку. Это и был его обед. От постоянного нахождения на свежем воздухе у него разыгрывался зверский аппетит, так что парень чувствовал себя постоянно голодным. В тот день его кормила Машка – довольно рослая для деревенских девиц с лицом, густо усеянным конопушками, приходившаяся старосте племянницей. Вообще в деревне все были немного родственниками. Кто не брат – тот сват, кто не сват – тот кум. Быстро подоив свою буренку, она выделила долю Митьке и, устроившись рядом, беззастенчиво разглядывала, как он ест.

- Чего уставилась? – буркнул он, едва не подавившись.
- Хочу и смотрю, – заявила в ответ девушка.
- Хочешь и просто смотришь? – сдохмил он в ответ, припомнив анекдот.
- Может, и хочу, да не с тобой, – ничуть не смутилась от двусмысленности Машка.
- А чего так, рылом не вышел? – поинтересовался Дмитрий не без досады в голосе.
- Да лицом-то вроде и ничего, – задумчиво протянула деревенская красotka, – руки только вот не оттуда растут. Видать, и остальным ничего не умеешь.

– А ты попробуй.

– Было бы чего пробовать, – фыркнула девушка. Затем, отсмеявшись, спросила: – В городе-то чем занимался?

– Охранником был, ну и так, по шабашкам.

– Это чего такое?

– Ну, как тебе объяснить, где проводку починить, где розетку поменять. Антенны еще устанавливал.

– Хорошо зарабатывал?

– На жизнь хватало.

– Не женат?

– Да нет покуда.

– Вот и я говорю – негодный.

Кровь бросилась парню в лицо, и он, разозлившись, отвернулся.

– На себя посмотри, рябая как картошка!

– Ну и что, зато все при мне и не дура, не то что некоторые, – не осталась в долгу девушка и, подхватив кувшин с молоком, зашагала домой, качая бедрами. Затем обернулась и уничтожила: – Так вроде и не глупый, а дурак дураком!

Дмитрий не хотел смотреть ей вслед, но глаза против его воли то и дело возвращались к гибкой фигурке в сарафане. И потом еще долго перед глазами вставали волнующие извивы девичьего тела, а конопушки на лице казались даже милыми. Впрочем, история на этом не закончилась. Когда он, отогнав стадо в деревню и повечеряв в очередном доме, возвращался домой, то есть к сеновалу, в котором обычно ночевал, дорогу ему преградили трое парней.

– Слышь, убогий, – обратился к нему крайний – коренастый крепыш с густой шевелюрой пшеничного цвета, – ты, говорят, к нашим девкам подкатывать начал?

– И что? – вопросом на вопрос ответил пастух и сдвинулся в сторону, не давая обойти себя со спины.

– А ничего, – осклабился второй, худой как жердь, с длинным чубом непонятного цвета, – сейчас узнаешь, чего!

Третий – огненно-рыжий парень, сплошь покрытый веснушками, – помалкивал, упорно пытаясь зайти своему противнику в тыл. Дмитрий сразу понял, что дело пахнет не известным никому в деревне керосином, и решил действовать. Быстро шагнув к продолжавшему распахивать себя криком чубатому, он коротко без замаха двинул ему кулаком в солнечное сплетение, заставив переломиться от боли и неожиданности, перегородив этим дорогу крепышу. Рыжий, видя такой поворот событий, кинулся вперед, но тут же запнулся о подставленную ему ногу и сбил-таки с ног своего незадачливого товарища. Коренастый поначалу немного завис от неожиданности, но затем быстро обошел кучу-малу из своих приятелей и попытался достать Митьку-дурачка кулаком, но тот несколько раз ловко увернулся, а затем и вовсе учудил: встав, как журавль, на одну ногу, другой неожиданно сильно двинул своего врага в голову. Такой подлости тот и не ожидал и отлетел в сторону, сломав по пути плетень. Не прошло и минуты, как деревенские парни, вздумавшие проучить «городского», лежали на земле, а раскидавший их Дмитрий, насвистывая, пошел прочь.

С этого момента жизнь его начала стремительно меняться. Для начала мальчишки, с которыми он гонял стадо, безоговорочно признали его авторитет. До сей поры он был для них лишь почти бесполезным помощником и мишенью для шуток, но на следующее же утро они смотрели на него практически с благоговейным почтением. Припомнив, как он бедствовал без обуви, они притащили ему лапти с онучами. Где они их стащили, Дмитрий не спрашивал, но с удовольствием обул обнову. Онучи, как оказалось, наматываются точно так же, как и портянки, а этим «искусством» он владел. Некоторая заминка случилась с завязками, но с помощью мальчишек справился и с этим.

Затем к нему на пастбище заявила депутация деревенских парней. Поначалу он думал, что предстоит новая драка, и многозначительно взял в руки предусмотрительно выломанную для такой цели дубинку.

– Ты это, не балуй, – немного растерянно протянул давешний крепыш, – мы с миром пришли.

– С каким еще миром?

– Слышь, Митька, не серчай. Сегодня подрались, завтра помирились – дело житейское.

– Втроем на одного?

– Да ты что! – оскорбился парламентар. – У нас в деревне сроду такого паскудства не было. Всё один на один решилось бы...

– Ага, – с нескрываемым злорадством протянул один из парней, не принимавший участия во вчерашних событиях, – решилось бы, коли он вас метелить не начал!

Услышав это, все присутствующие дружно засмеялись. Крепыш, как видно, был до сих пор первым парнем на деревне, и его оплошке многие обрадовались.

– Ладно, – махнул рукой Дмитрий, отсмеявшись вместе со всеми, – чего хотели-то?

– Ты, это, будешь с нами против зареченских биться?

– Каких таких «зареченских»?

– Ну так за речкой две деревни – Климовка и Мякиши, они наш верх признавать не желают!

– А должны?

– А как же! Наше Будищево завсегда верх держало супротив прочих деревень.

– Что-то больно маленькое оно у вас.

– Тут видишь, в чем дело, – помрачнели переговорщики, – прежде-то наше село куда как больше было. Оттого и дом господский у нас, и церковь. Потому наш верх должен быть, а они это признавать не желают!

– И что же случилось, что вы так захирели?

– Чего-чего, дом господский загорелся.

– Это бывает, если пожарную безопасность не соблюдать, а вы тут при чём?

– При чём – ни при чём, а только из города исправник приехал со стражниками да половину мужиков и повязал. А дальше, кого по суду в Сибирь уехали, кого барин в иные деревни переселил...

– Понятно, а усадьбу-то барину за что подпалили?

– Не знаю, – надулся крепыш, – то давно было...

– Известно за что, – снова вмешался парень, поднявший прежнего главаря на смех, – больно много девок перепортил старый хрыч. Ладно бы своих дворовых пользовал, а то и на деревенских полез.

– Помогло?

– Чему помогло?

– Ну, перестал девок портить?

– Да какое там! Нет, поначалу остепенился чуток, а потом опять за старое. Так и паскудничал, пока волю не объявили.

– То дело прошлое, – вмешался крепыш, – лучше скажи, пойдешь с нами против зареченских?

– А что?

– Да ничего, просто уж больно ты ловко лягаешься! Прямо как у моего крестного жеребец... Ты не думай, там все по-честному, бьемся стенка на стенку, пока супротивники не побегут. Ежели до крови дошло, можно падать – лежащих не бьём.

– Ладно, там поглядим, – усмехнулся Дмитрий, – тебя как зовут-то?

– Ероха, – представился крепыш, – а это вот Семка, Пашка...

Ритуал знакомства закончился крепкими рукопожатиями, и расстались молодые люди почти друзьями. Приятные сюрпризы на этом не закончились. Когда настало время обеда, одна из доивших коров женщин – довольно привлекательная еще молодуха, по имени Дарья – подошла к пастуху и помимо обычного молока, лукаво улыбнувшись, протянула порядочный узелок. В нём было завернуто несколько вареных картох и кусок крепко солёного сала. Жившему в последнее время впроголодь Дмитрию угощение показалось царским, и, наверное, поэтому он насторожился.

– Что-то больно щедро, – удивленно спросил он.

– Ты, ежели не голодный, так я унесу, – певучим голосом протянула женщина.

– Голодный-голодный, – поспешно заявил парень и взялся за еду.

– И впрямь оголодал, – усмехнулась Дарья, наблюдая за тем, как он запихивается. – Не торопись, еще подавишься, чего доброго.

– Слушай, тут вчера на меня одна так же смотрела, – не переставая жевать, пробурчал он, – а потом трое гавриков на разборки пришли.

– Сам виноват.

– Это чем же?

– А ты почто Машку рябой обозвал?

– А какая она еще? Вся в конопухах!

– Вот-вот, в конопушках, стало быть – конопатая, а не рябая. Рябые – это с оспинами!

Вот она и пожалилась на тебя брату.

– Ишь ты! А я и не знал.

– Да ты, я гляжу, многого не знаешь или не понимаешь.

– Это чего же?

– Ну как же, в церкви не бываешь, лба не крестишь, с людьми не здороваешься. Старикам не кланяешься.

– Еще чего, кланяться!

– Я же и говорю – странный.

– Ну уж какой есть.

– Потому за тебя никто и не вступится перед отцом Питиримом.

– Это перед попом, что ли?

– Ага, перед ним.

– Интересный он у вас какой-то. Явно что-то от меня хочет, а что – не говорит.

– А ты не знаешь?

– Нет, не знаю. Может, ты расскажешь?

– Может, и расскажу.

– Так говори...

– Некогда мне с тобой сейчас разговоры вести. Вот как повечеряешь, так приходи к крайнему гумну...

– А ты придешь?

– Может, и приду, коли время будет, – решительно поднялась молодая женщина и, не оборачиваясь, пошла прочь.

День после этого тянулся как густой кисель из чашки, но всё же подошел к концу. Отогнав стадо в деревню, пастухи разошлись по домам. Дмитрий, дождавшись темноты, пошел к назначенному месту и едва не заблудился. Только народившаяся луна давала мало света, и парень совсем уже было растерялся, когда чья-то рука затянула его в большой сарай.

– Вот ведь бестолковый, – досадливо зашептала ему на ухо Дарья, – ты бы еще звать начал!

Тот, впрочем, и не подумал оправдываться, а крепко обхватив руками женщину, попытался ее поцеловать.

- Не балуй, – вывернулась из объятий молодуха.
- А ты не за этим пришла?
- Может, и за этим, только все одно – не балуй! Быстрый какой...
- А чего время терять, – горячо прошептал ей парень и снова обнял.

На сей раз Дарья не стала противиться его ласкам, и скоро они упали в прошлогоднее сено. Поначалу в темноте было слышно лишь шуршание и смешки, затем их сменили звуки поцелуев и, наконец, раздались полные сладострастия стоны и иступлённый шепот: «Шибче-шибче!» Снаружи, прижавшись к стене, стояла Машка и, закусив до крови губу, слушала эти звуки. Ее высокая грудь прерывисто вздымалась, а пальцы скребли по бревнам. Наконец девушке стало невмоготу и, простонав про себя: «Вот змеюка», опрометью бросилась бежать прочь.

Занятые друг другом любовники даже не заметили, что кто-то был рядом. Утолив первую страсть, они лежали рядом, обмениваясь время от времени короткими фразами, прикосновениями рук, касаниями губ.

– А ты, Митька, не совсем уж пропащий, – прошептала молодуха, прижимаясь к нему, – кое-чего умеешь...

- Дима.
- Что?
- Димой, говорю, зови меня. Бесит этот «Митька» уже.
- Ди-мо-чка, – протянула она, как бы пробуя имя на вкус, – сладенько звучит, прям как

ты.

- Понравилось?
- Угу.
- Еще придешь?
- А ты что, уже прощаться надумал?
- Нет, конечно, просто...
- Не знаю, Дима. Скоро муж с города вернется, да и тебе недолго тут осталось...
- О чём это ты?
- А, так ты не знаешь же ничего. Питирим с Кузьмой тебя в рекруты сдадут.
- Это как так?
- Как-как, сдадут и вся недолга!
- Погоди-ка, а если я не хочу? Да и рекрутчину, я слышал, отменили...
- Вот-вот, теперь по жребию призывают.
- Я никакой жребий не тянул.
- А ты тут при чём? Его другой Митька вытянул, а его Питирим отпускать не хочет.
- Какой Митька и при чем тут Питирим?
- Ой, там дело совсем запутанное да давнее. Батюшка-то наш в прежние времена женат

был, да только прибрал Господь и жену его, и детушек, только то давно было. Так он бобылем и жил, думал даже в монастырь уйти. Совсем было ушел, да случился мор. Тут тетка Лукерья и померла, а Митька – сын ее – сиротой остался. Вот он и взял его к себе, заместо своих. Приход ему он, конечно, не передаст, для того к духовному сословию принадлежать надобно, а Митька – сын крестьянский. Но грамоте он его обучил да обещал денег на первое обзаведение дать. И вот случился же такой грех, попал на него жребий! А он только женился...

– И что с того, я-то тут каким боком?

– Ой, Димочка, до чего же ты бестолковый! Ты Митька и он Митька, ты Будищев и он Будищев, у нас в деревне все такие, понял?

– Офигеть! Поп ваш совсем уж берега попутал. Хотя, подожди, видел я этого Митьку, мы же с ним совсем не похожи...

– А кому это интересно, схожи вы или нет? Как в бумагах написано, так и будет. Кабы ты местный был али ремесло какое дельное знал, может, за тебя бы мир и заступился. А так кому ты нужен? Разве мне, и то на пару ночей...

– Вот, блин!

– Ты чего удумал?

– Ничего, валить отсюда надо!

– Ну, так не прямо же сейчас? – озабоченно спросила Дарья и прильнула к нему всем телом.

– Часок погожу, – усмехнулся Дмитрий и, обхватив женщину руками, уложил её на себя. – Хоть час – да мой!

– Да и куда тебе бежать без пачпорта, – промурлыкала она, едва отдышавшись после приступа страсти. – Крестьянского труда ты не знаешь, ремесла тоже. Тебе одна дорога – в солдаты. Разве только барыньку какую найдешь или купчиху вдовую и будешь ее ублажать. Тогда прокормишься, а так...

– Да, дожил, в альфонсы меня еще не записывали!

– Куда?

– Да ладно, не бери в голову. Я, когда в больнице попа вашего со старостой слушал, так подумал, что они меня хотят в наследники вашего барина записать. Дескать, единственный сын его, и все такое...

– Ох, уморил, – засмеялась молодуха, – да где ты такое видел, чтобы ублюдков в благородные записывали? Коли так, так у нас в деревне да ещё в Климовке с Мякишами от таких дворян не протолкнуться! Да и есть у него дети, у Блудова-то...

– Ну да, упорол косяк, вижу.

– Что, не хочешь на службу?

– Да как тебе сказать, – задумался Дмитрий, – я там, у себя, короче, где жил раньше, года не прошло, как дембельнулся.

– Чудной ты и говоришь непонятно.

Армейская жизнь оказалась совершенно не похожа на то, что себе воображали молодые люди, прежде чем записались в армию. Множество ограничений, бесконечная муштра, неудобная форма и необходимость постоянно козырять всякому, кто по званию выше тебя, чрезвычайно осложняли жизнь двум приятелям – вольнопёрам. Впрочем, Алексею Лиховцеву и Николаю Штерну весьма помогало осознание правоты дела, за которое они выступили, записавшись в армию. К тому же Николаша, как скоро его стали называть все товарищи вольноопределяющиеся, обладал крайне легким характером и совершенно не убиваемым жизнелюбием, так что он и сам быстро вписался в полковую жизнь и умел поддержать друга. По своему положению, они вполне могли проживать на частных квартирах в городе, однако Лиховцев не мог позволить себе подобных трат, а Штерн не захотел оставлять его одного. Поэтому жизнь они вели казарменную и вскоре достаточно близко узнали изнанку «доблестной русской армии». Многие офицеры были людьми крайне ограниченными и не интересовались в жизни ничем, кроме карт, водки и гарнизонных сплетен. На необходимость командования солдатами они смотрели как на неизбежное зло, с которым приходится мириться. Делами службы господа офицеры себя почти не утруждали, а потому заправляли всем в казармах унтера. Причем иногда казалось, что главной заботой этих тиранов, словно вышедших из-под пера Салтыкова-Щедрина, было сделать бытие своих подчинённых совершенно невыносимым. Особенно страдали от их придирок новобранцы. Вчерашние крестьяне, непривыкшие к строгостям военной жизни, они постоянно попадали впросак и нарушали то одно, то другое требование устава, а то и просто неписаное правило, за что тут же получали взыскание. Причем всякое дисциплинарное наказание сопровождалось мордобоем, и наоборот.

К счастью, находившихся на привилегированном положении вольноперов это не касалось, но всякому человеку, имевшему хоть немного человеколюбия в душе, наблюдать эту картину было невыносимо. Справедливости ради, следует сказать, что в роте штабс-капитана Гаупта, где они имели честь служить, отношение к нижним чинам было не в пример более гуманным, нежели у других командиров. Владимир Васильевич, в отличие от прочих офицеров полка, весьма дотошно входил во все мелочи, касавшиеся своего подразделения. Сам он никогда не бил солдат и не поощрял этого со стороны унтеров. Излишне мягким, однако, он тоже не был, и за всякий проступок, замеченный им, немедля следовало положенное по уставу наказание. Возможно, поэтому его подчиненные выглядели не такими забитыми, как в других ротах.

Но вот старший офицер роты – поручик Николай Августович Венегер – был его полной противоположностью. Нижних чинов он откровенно презирал, а если нечасто бил лично, то не из соображений человеколюбия, а только лишь из брезгливости. Недавно переведенный из гвардии за какой-то проступок, он полагал себя несправедливо наказанным и потому едва ли не карбонарием. По-русски он разговаривал, безбожно грассируя на французский манер, и слыл большим знатоком бильярда, а также бретёром. Полковые дамы были от него в восторге, главным образом оттого, что не знали, как он злословит на их счет, безудержно хвастаясь победами. С Гауптом его отношения явно не сложились, хотя до открытого конфликта пока не доходило. Третьим офицером в их роте был недавно выпущенный из юнкерского училища подпоручик Сергей Александрович Завадский. Молодой человек хрупкого телосложения и невысокого роста, он был чрезвычайно стеснителен, оттого скоро получил от сослуживцев прозвище «Барышня».

В тот день их полк должен был получить долгожданное пополнение, после чего сразу же выступить в поход. Обычно в карантин за новобранцами посылали кого-нибудь из батальонных или ротных командиров с унтерами, но на сей раз комиссию возглавил сам полковник Буссе. С собой он взял командира первого батальона подполковника Гарбуза, Гаупта и своего адъютанта поручика Линдфорса, большого приятеля Венегера. Владимир Васильевич, не понаслышке зная о «превосходных» качествах полковых писарей, попросил приятелей-вольноперов, отправиться с ним и взять на себя бюрократическую миссию. Вообще-то он мог, конечно, приказать. Но вольноопределяющиеся люди почти вольные, к тому же Николаша был кузеном очаровательной Софьи Модестовны, и штабс-капитан относился к молодым людям покровительственно.

На плацу посреди карантина неровными рядами стояли примерно полторы сотни призванных из запаса мужиков и тоскливо озирались на столпившееся вокруг начальство.

– И где только набрали эдакое убожество? – громко фыркнул Буссе. – Скоро выступать, а тут черт знает что пригнали!

– Совсем оскудела Русь-матушка, – согласился с ним командовавший карантинном майор Смирнов и пьяно качнулся. – Сами видите...

– Да уж вижу, – нахмурился полковник и отодвинулся, наморщив нос. – Негодные к строевой есть?

– Никак нет, все освидетельствованы нашим глубока... глубоку... тьфу, пропасть, глубокоуважаемым эскулапом. Признаны годными.

– Н-да, представляю, как в таком случае выглядят негодные! Впрочем, делать нечего. Господин штабс-капитан, извольте провести перекличку, да и поведем эту орду в полк.

– Слушаюсь, – щелкнул каблуками Гаупт.

– Как прикажете распределить? – наклонился к уху полкового командира Берг.

– Как обычно, по жребию, хотя... – задумался на минуту полковник и крикнул вдогонку Гаупту: – Владимир Васильевич, раз уж вы взяли на себя всю бумажную волокиту, то так и быть, в свою роту можете отобрать кого угодно.

– Штабс-капитан Толубеев опять будет жаловаться, что ему достались одни убогие да слабосильные, – попробовал возразить Гарбуз.

– Что же поделаешь, – барственно улыбнулся Буссе, – у командиров двенадцатой роты планида такая⁶. Приступайте, господа!

По приказу Гаупта, Лиховцев сел перебеливать ведомость, а Николаша взял в руки список и стал выкликать одного за другим новобранцев. Штабс-капитан тем временем внимательно приглядывался к отвечающим, делая иногда пометки в своей книжечке.

– Будищев! – выкрикнул Штерн и отчего-то фыркнул.

– Я! – мрачно отозвался довольно высокий молодой парень в несуразной одежде. Лицо его заросло небольшой бородой, а под глазом отливал перламутром дивный синяк.

– Это еще что за чудо-юдо? – удивился Гаупт, привлечённый смешком Николаши.

– Будищев, – пояснил офицеру сопровождавший пополнение унтер, – чудной он какой-то, ваше благородие. Приволокли его с полицией, сказывали, будто убежать хотел. Но покуда тут был, ни в чем худом не замечен. Я за им приглядывал.

– Выйти из строя! – коротко приказал Гаупт.

К удивлению штабс-капитана, новобранец не стал, как сделал бы всякий на его месте вчерашний крестьянин, вылезать, распахивая товарищей, а хлопнул впереди стоящего по плечу, отчего тот испуганно отпрыгнул в сторону. После чего, четким строевым шагом вышел вперед и, держа руки по швам, доложил:

– То... господин капитан, рядовой Будищев по вашему приказанию прибыл!

– Как рапортуешь, дурак, – зашипел на него унтер, – надобно говорить – «ваше благородие»!

– Ваше благородие, господин капитан! – тут же поправился тот.

– Правда ли, что хотел бежать от призыва?

– Никак нет!

– А синяк откуда?

– Упал!

– Что-то он великоват.

– А я три раза!

– Да ты шутник, – усмехнулся Гаупт. – Ладно, встать в строй!

– Есть!

Закончив с формальностями, штабс-капитан отправился доложить полковому командиру, что все в порядке, а закончившие свои труды вольноперы принялись с любопытством рассматривать своих будущих сослуживцев. Отправляясь на военную службу, где их все равно обмундируют, практичные крестьяне оделись в такую рвань, что выглядели совершеннейшими босьяками. Однако Будищев умудрился выделиться даже на их фоне. Впрочем, дело было не только в довольно странной одежде и отсутствии шапки на голове. Сама манера стоять, говорить, смотреть при этом в глаза начальству резко выделяла его среди прочих. Быстро вернувшийся Гаупт с неудовольствием увидел практически развалившийся строй и громко гаркнул:

– Становись! Равняйся! Смирно!

Как и следовало ожидать, вчерашние крестьяне выполнили эти команды так, что командовавший ими офицер поморщился, как от зубной боли. Тем не менее через какое-то время толпу удалось превратить в подобие строя и повести в расположение полка. Едва добравшись до места, полковник заявил, что у него какая-то надобность в городе, и, не покидая пролетку, велел кучеру из солдат трогать.

– Вы уж тут как-нибудь без меня, – махнул он Гарбузу.

⁶ По традиции в последней роте полка собирались самые неказистые и низкорослые солдаты. В описываемое время в полках было по три батальона, в каждом из которых четыре линейные и одна стрелковая рота.

Подполковник, откозыряв ему вслед, обернулся к Гаупту.

– Владимир Васильевич, вы себе архаровцев уже отобрали?

– Так точно!

– Ну и ведите их с богом.

– Слушаюсь!

Забрав приглянувшихся ему людей, в числе которых оказался и Будищев, штабс-капитан отвел их к казарме и передал фельдфебелю.

– Фищенко! Вот тебе список, поставишь людей на довольствие и определишь на занятия. Я проверю, особо обрати внимание, чтобы научились погоны различать и в чинах не путаться.

– Слушаю, ваше благородие, – вытянулся старый служака, – дозволейте исполнять?

– Выполняй.

Как только ротный вышел, новоприбывших тут же окружили унтера. Первым делом они распорядились, чтобы «молодые» вывернули свои котомки. Увы, за время, проведенное в карантине, ничего особенно ценного в вещах пополнения не осталось, что, конечно, не добавило новичкам симпатий.

– Табак-то хоть есть?

Нашедшаяся у пары новобранцев махорка была немедленно конфискована «с целью недопущения беспорядков». В чем этот беспорядок заключался, никто разъяснять не стал, а спрашивать новички не решились.

– А у тебя разве табачка нет? – поинтересовался у Будищева ефрейтор Хитров.

– Некурящий, – коротко ответил тот.

– А иде твои пожитки?

– Дома оставил.

– Чего так?

– С целью недопущения беспорядка, – без тени улыбки отвечал тот ему.

– Ты что, паскуда, – опешил Хитров, – думаешь, самый умный?

– Никак нет.

– Да ты, как я погляжу, шибко грамотный, видать, городской! Ну, ничего, я из тебя грамотность-то повышибу!

– Так точно!

– Отстань от его покуда, – прервал уже почти кричавшего ефрейтора фельдфебель, – я его в твоё звено⁷ написал, так что успеешь еще.

За этой сценой со стороны наблюдали живущие в той же казарме вольноопределяющиеся. В первое время подобное вызывало у них протест, но затем почти привыкли. «Почти», потому что Лиховцев уже собирался вмешаться, но Штерн остановил его.

– Держу пари, он сам справится, – загадочно улыбнувшись, прошептал он ему.

– Кто он?

– Посланец грядущего, разумеется, ты разве его не узнал?

– Нет.

– Ну как же! А впрочем, что тут удивительного, когда мы его видели, ты глаз с Сонечки не сводил, а я успел хорошенько разглядеть. Это точно он!

– Постой, ты о том пациенте своего дядюшки?

– Браво! Не прошло и недели, как ты сообразил. Право же, дружище, армейская служба плохо отражается на твоих умственных способностях. Может, сходим вечером в город, разве-емся?

– Пожалуй.

⁷ Звено – часть отделения в то время.

Ефрейтор Хитров невзлюбил Будищева с первого взгляда. В другое время он просто избил бы ершистого новобранца, просто чтобы показать свою власть. Но вот ротный такое вряд ли спустит, а за происходящим внимательно следят его любимчики-вольноперы. Так и зыркают, заразы, того и гляди донесут. Но ничего, видали мы таких!

– Будищев, ступай за мной. Пособить надо.

– Есть, – нехотя отозвался тот, но перечить не посмел и послушно двинулся за командиром звена.

Выведя непонравившегося ему новичка из казармы, он отвел его в небольшой закуток между двумя строениями и внезапно заорал: «Смирна!», попытавшись тут же ударить. Однако проклятый Будищев, как будто заранее знавший, что его ожидает, был наготове и, перехватив руку ефрейтора, кинул его через себя. Не успел тот опомниться, как новобранец сидел на нем верхом, закрутив при этом одну руку и сжав второй горло.

– Ты что, под суд захотел? – прохрипел ошеломленный Хитров. – Пусти, больно!

– Слушай сюда, – прошептал ему на ухо Дмитрий, и от его шепота ефрейтору стало страшно. – Я тебе сейчас руку сломаю, причем так, что ни один коновал потом не сложит. И гортань раздавлю так, что говорить у тебя точно не получится.

– Что?! – вытаращил глаза Хитров и попытался вырваться, но державшие его руки обладали поистине железной хваткой.

– Тихо ты, – продолжил Будищев и заломил руку так, что противник застонал и сразу же прекратил сопротивление. – А ротному доложу, что ты – извращенец! Понял?

– Это чего такое?

– Ну как, блин... а типа ты захотел, чтобы я с тобой содомским грехом занялся, понял?

– Тебе никто не поверит! Мое слово против твоего...

– Какие еще слова, ты забыл, что я тебе горло сломаю?

– Все одно не поверят!

– Может быть, только все равно запомнят. И «слава» эта к тебе навсегда прилипнет. Даже духи⁸ будут пальцем тыкать – вон ефрейтор заднеприводный идет! Это, кстати, если ты просто не сдохнешь, потому как со сломанным горлом врачебной помощи можно и не дожидаться.

Ефрейтор вдруг сообразил, что именно ему сказал этот непонятный новобранец, и отчаянно задергался, пытаясь освободиться, но его противник так завернул ему руку, что в глазах потемнело от боли, а из горла вырвался крик, больше похожий на стон. Тело мгновенно покрылось испариной, а только что бугрившиеся под сукном мундира мышцы обмякли, давая понять, что он сломлен.

– Что ты хочешь? – почти жалобным голосом прошептал испуганный Хитров.

– Служить спокойно хочу, чтобы всякие уроды вроде тебя не беспредельничали.

– Пусти, богом клянусь, не буду больше!

– Вот и ладушки. Кстати, если ты с остальными дедами решишь меня отметелить, то запомни, я потом тебя все равно достану!

Договорив, Дмитрий отпустил своего противника и легко вскочил на ноги. Затем протянул руку и помог подняться.

– Вставайте, тащ ефрейтор, а то простудитесь, – постарался обойтись без издевки в голосе Будищев и похлопал по форме, как бы помогая отряхнуться. – Мундир на вас опять же красивый.

– Ой, – застонал Хитров, – чуть руку не сломал, проклятый!

– Это пройдет. Ты ведь меня тоже сюда позвал не для того, чтобы пивом угостить. Ну, так мы договорились?

⁸ Дух – одно из названий солдата-первогодка в российской и советской армиях.

– Договорились, – хмуро отвечал старослужащий, – только по службе все одно спуску не дам!

– А вот это по-нашему! Кстати о мундире, нас когда обмундировывать будут, а то я как-то забодался в этих обносках ходить?

– Завтра в швальню поведут.

В казарму они зашли вдвоем, чем вызвали немалое удивление среди солдат. Необычно бледный ефрейтор, ни слова не говоря, прошел к своему месту и, не раздеваясь, рухнул на нары. Будищев же как ни в чем ни бывало стал осматривать помещение, очевидно, пытаясь найти себе место.

– Иди сюды, – махнул ему заросший окладистой бородой солдат. – Вот тут определяйся...

Спальное место, скажем прямо, было неказистым – двухэтажные дощатые, ничем не прикрытые нары. Ни подушки, ни матраса, ни одеяла на них не наблюдалось, как, впрочем, и в карантине. У прочих обитателей казармы особых излишеств тоже не было, если не считать таковыми тюфяки из рогожи, набитые сеном. Накрывались служивые вместо одеял шинелями, а под голову клали кто на что горазд.

– Да, это не Рио-де-Жанейро, – пробормотал Будищев, вызвав немалое удивление рас- слышавших его вольноперов.

– Это точно, – отозвался бородатый солдат, как будто понял, о чем тот толкует, – можешь меня дядька Никифоров называть.

– Дядька?

– Ага, для таких, как ты.

– В смысле прослужил много?

– Четвертый год уж пошел.

– Тогда получается – дедушка!

– Можешь и так, только я твоим дядькой⁹ буду.

– Дмитрий, – коротко представился новобранец.

– Митька, так Митька! Но запомни, в строю ты новобранец Будищев! А как присягу примешь, так будешь – рядовой! Понял?

– Понял-понял, – пробурчал тот в ответ.

– А командир роты у нас их благородие штабс-капитан Гаупт!

– Ну, да, капитан...

– Не капитан, дурья твоя башка, а штабс-капитан! У капитана погоны чистые, а у их благородия – четыре звездочки.

– Вот блин!

– А вот блинов ты еще долго не попробуешь, чай не у тещи в гостях.

– Я холостой.

– А мне без разницы. Слушай дальше...

– Погоди, Никифоров...

– Дядька Никифоров! Чего тебе?

– Хорошо, пусть будет дядька. Нас когда из карантина забирали, там какой-то большой чин был, с погонами вроде как у полковника, только с чистыми. Это кто?

– Вот дурень, право слово, так у полковника и должен быть чистый погон, а был это не иначе как их высокоблагородие полковник Буссе. Полковой наш командир.

– А почему ротный просто «благородие», а тот «высоко»?

– Известно почему, тот полковник, а Гаупт – только штабс-капитан!

– А если погоны такие же, а на них три звезды?

– Подполковник, тоже «высокоблагородие».

⁹ Дядька – нечто вроде наставника для новобранца из старослужащих солдат.

– Вот же пропасть, – чертыхнулся Будищев, – все ни как у людей!
– Ничто, запомнишь еще, – усмехнулся старослужащий, – а не запомнишь, так унтера поспособствуют.

Ночью Дмитрию приснился чудной сон. Будто бы его опять призвали в армию, но не в Болховский полк, а в родную часть, где он уже отслужил срочную, вот только «дедов» надо было называть «благородиями», офицеров – «превосходительствами», а утреннюю поверку проводил отчего-то полковой священник отец Григорий. Ночные видения были настолько яркими, что он, потеряв разницу между сном и реальностью, при команде «подъем» вскочил, быстро оделся и выбежал из казармы на утреннюю зарядку. Холодный ветер ударил ему в лицо, и изумленный новобранец сообразил, что стоит перед казармой один, а сослуживцы с интересом наблюдают за его действиями. Как оказалось, никаких спортивных упражнений в Российской Императорской армии по утрам не предусмотрено. Впрочем, Будищев уже привык, что к нему относятся как к немного придурковатому, и потому решил поддержать свою репутацию. Поэтому он сделал вид, что все идет как надо, и невозмутимо принялся за разминку. Тут все и вовсе бросили свои дела и, столпившись кругом, смотрели на то, как он поочередно машет то руками, то ногами, затем стал приседать, наклоняться и еще бог знает что вытворять. Первым в себя пришел Северьян Галеев.

– Гимнастика! – авторитетно заявил многоопытный унтер и тут же обернулся к остальным: – А вы чего рты раззявили? За уборку, быстро! Эй, гимнаст, тебя тоже касается.

Уборка заключалась в том, что каждый солдат вымел из-под своих нар мусор на центральный проход, где его подобрали назначенные в наряд. Едва успели навести в роте минимальный порядок, последовала команда строиться.

Поскольку завтрака военнослужащим тоже не полагалось, после построения их развели на занятия, и до самого обеда они исправно маршировали, учились ружейным приемам и прочей солдатской премудрости. Была и гимнастика, но совершенно не такая, как в будущем. Вели эти занятия взводные унтера. Физическое развитие подчиненных их, очевидно, волновало не слишком, а вот возможность поиздеваться над подчиненными определенно привлекала. По крайней мере, именно так подумал Дмитрий, вдоволь находившись гусиным шагом. После гимнастики последовала опять уборка, причем главный фронт работ ожидаемо достался «молодым». После ее окончания фельдфебель Фищенко лично проверил качество, покрутил носом, но все же скомандовал идти на обед.

Состоял он из неожиданно наваристых щей и каши, а также отварной говядины, которой полагалось по половине фунта на человека. За каждым столом сидело шестеро солдат, один из которых был «бачковым». То есть должен был получить харч на свой стол. Как и следовало ожидать, им оказался самый молодой, то есть Будищев. Ели все вместе, по очереди зачерпывая из общего бачка деревянными ложками. Мясо и хлеб лежали на деревянных мисках, специально выстроганных на такой случай. Еще их употребляли при чистке оружия, но об этом они узнали позже.

– Чего морду кривишь? – усмехнулся Никифоров, глядя, как его подопечный прихлебывает квас. – Али, может, ты, как господа, кофий привык пить?

– Ага, какао с сахаром, – согласился Дмитрий, – и хлеб, чтобы с маслом!

– Ишь ты, поди, в прислуге служил, раз барскую пищу привык есть?

– Нет, – помотал головой новобранец, – то я так, шучу.

– Да, понятно, мыслимое ли дело, каждый день какаву с сахаром... а вообще, чем до службы занимался?

– Деревенские мы, – отвечал ему Будищев, подражая говору, слышанному им в селе, – коров пасли!

– Эва как, а я уж подумал, что ты из благородных. Уж больно руки белые.

– Не, в благородные мы рылом не вышли.

После обеда солдатам дали немного отдохнуть. Новобранцев, впрочем, отделили от остальных, отдав под начало унтера Галеева, не упустившего возможность еще немного погонять «молодых».

– Становись! Равняйся! Смирна! – заорал он на «молодых». – Шевелитесь, сукины дети, а то дух вышибу!

Погоняв своих подопечных по плацу, не забывая щедро осыпать при этом крепкой руганью, он остановил колонну и велел Дмитрию выйти из строя.

– Ты, болезный, часом не беглый?

– Никак нет!

– Уж больно хорошо шагаешь для новобранца, хоть правофланговым тебя ставь.

– Лучше сразу в генералы.

– Поговори мне еще, – рассвирепел Галеев, – я тебе не Хитров, я из тебя враз всю дурь вышибу!

– Виноват!

– То-то что виноват, – пробурчал унтер. – Ладно, встать в строй! Потом решим, что с тобой делать, а сейчас нале-во!

Нестройная толпа, лишь по недоразумению именуемая строем, пошла к полковым швальням, где портные споро сняли с них мерки и принялись «строить мундиры». Как оказалось, солдату Российской Императорской армии положены: зимний мундир из темно-зеленого сукна, две пары шаровар, гимнастическая белая рубаха, такие же панталоны, шинель, башлык и кепи. Еще в хозяйстве был ранец, сухарный мешок, ножны для штыка и куча всего. Из-за спешки мундиры и кепи шились с упрощениями, так что даже на не самый внимательный взгляд было сразу видно, где старослужащий, а где только что призванный солдат.

Часть обмундирования им выдали сразу, к примеру, гимнастические белые рубахи, благо их фасон был совершенно немудрящ. Пока прочие новобранцы пытались разобраться с только что полученной новой одеждой, Будищев быстро переоделся и, подпоясавшись, одернул форму, будто носил всю жизнь.

– Гляди-ка, на человека стал похож, – осклабился солдат-кладовщик. – Давай, раз управился, получай прочее!

– И много там? – поинтересовался Дмитрий.

– А вон список на стене висит, – усмехнулся кладовщик, – читай, коли грамотный!

– Ремень поясной юфтевый с медной бляхой – один; ранец телячьей кожи – один; сумки патронные – две... – бегло прочитал, просмотрев список, новобранец.

– Ты чего, из студентов? – насторожился кладовщик.

– Нет, а что?

– Читаешь больно быстро.

– А что, только студенты читать умеют?

– Ну, еще господа офицеры, но на разжалованного ты точно не похож.

– Эй, хорош ляды точить! – прикрикнул на разговорившихся солдат Галеев. – Получай свою хурду и отваливай, дай другому получить.

– Слушаю, господин унтер-офицер, – вытянулся кладовщик и тут же прикрикнул на Будищева: – Получай давай, не задерживай!

Быстро получив все от казны положенное, Дмитрий принялся запихивать новое имущество в ранец, пытаясь заодно сообразить, что к чему. Особенное недоумение вызвал небольшой медный котелок, абсолютно нежелающий куда-либо помещаться.

– Его не внутрь, его сбоку пристегивают, – хмуро пояснил внимательно наблюдавший за его стараниями Северьян.

– Ага, понял, это что же, жрать варить?

– Как бы не так, это нашему брату на погибель придумали, – сплюнул унтер. – Как смотр, так морока! Ежели железный, так следи, чтобы навощен да покрашен и ни приведи господь ржавчины. А коли медный, как у тебя, так чисти, чтобы блестел...

– Как у кота яйца?

– Вот-вот, соображаешь.

– А почему фляги нет?

– Для воды-то? А не положено, язви его в душу! Однако ты правильно понимаешь, в поле без воды – смерть. Если найдешь где бутыль или флягу жестяную, тогда, считай, повезло. Только ее сукном обшить надо и лямку приделать.

– Понятно.

– Это хорошо, что ты понятливый, а вот скажи: пишешь ты так же бойко, как и читаешь?

– Давно не писал, – осторожно ответил Дмитрий.

– Понятное дело, для всякой работы свой навык нужен. Ладно, потом поглядим, чего ты стоишь.

Договорив, унтер отвернулся и тут же, без малейшего перерыва, обрушился с площадной бранью на очередного замешкавшегося новобранца. Впрочем, вскоре все получили положенное и так же строем отправились назад в казарму. Для хранения имущества солдат предназначалось довольно большое помещение, именуемое ротным цейхгаузом. Заведовал им капитанармус – старший унтер-офицер Василий Жуков. Довольно пожилой уже дядька с хитрым прищуром глаз и медалью «За усмирение польского мятежа», не тратя много слов, показал новобранцам, куда сложить вещи, и велел выметаться на построение.

Едва они успели встать в строй, прозвучала команда:

– На молитву, шапки долой!

Полковой священник, отец Григорий, проводил службу истово, не делая ни малейших отступлений от канона. Будучи небольшого роста, он тем не менее обладал совершенно невозможным басом. Не выбери он своей стезей духовное служение, ему, вероятно, был бы рад любой оперный театр. Трубный глас его далеко разносился вокруг, а впечатленные им солдаты торопливо крестились и кланялись. Дмитрию, непривыкшему ни к молитвам, ни к церкви, поначалу было трудно. Однако взяв себе за правило: «делай как все», он крестился и кланялся вместе с остальными и не слишком выделялся из общей массы. Но, как оказалось, далеко не все прониклись торжественностью момента. Один из новобранцев, здоровый деревенский парень – Федор Шматов, как видно, услышал разговор Будищева с унтером и очень им заинтересовался.

– Митька, – шепотом спросил он, – а отчего ты сказал, будто котелок должен блестеть как у кота яйца? Они же не блестят!

Губы Будищева тронула легкая улыбка, но он ухитрился сохранить невозмутимое выражение лица и так же шепотом ответил:

– Федя, ты видал, что кот делает, когда ему делать нечего?

– Ну, спит.

– Или лижет себе...

– Точно! Только они все равно не блестят.

– Так это потому что на них шкура...

– Эва как, – покрутил головой Шматов, и в его голосе прорезалось понимание, – а ежели ее ободрать...

Стоящие вокруг солдаты прекрасно слышали весь этот разговор и еле сдерживали смех. Это немедленно привлекло к себе внимание отца Григория, и он, сделав страшные глаза, строго посмотрел на своих сразу же притихших прихожан в форме. Впрочем, служба скоро закончилась, и священник начал читать проповедь. Посвящена она была событиям на Балканах. Тут актерское дарование иеромонаха развернулось во всю ширь. Трагическим тоном он повество-

вал о страданиях болгар и сербов под агарянским игом. Как страдали они за веру, как издевались над ними турки, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей. Затем он возвысил голос:

– Не переполнилась ли чаша терпения Господа нашего? Доколе терпеть новомученикам христианским?

К большому удивлению Дмитрия, солдаты внимательно слушали своего пастыря, и каждое его слово находило в их сердцах живой отклик. Вообще, пообщавшись некоторое время с сослуживцами, Будищев был уверен, что большинство из них знать не знает, где эта Болгария и для чего им нужно идти куда-то воевать с турками. Единственным исключением были вольноопределяющиеся. Вчерашние студенты, добровольно вступившие в армию, они как раз очень ясно представляли себе цели предстоящей войны и по возможности пытались донести ее до прочих солдат. Однако, несмотря на все их усилия, это им плохо удавалось. Трудно сказать, что было тому виной, возможно, традиционное недоверие вчерашних крестьян к барам, а вольноперы с точки зрения солдат были барчуками. А может, им просто не удавалось найти общий язык, поскольку речь людей образованных уж слишком отличалась от речи простонародья. Но вот священнику, как это ни странно, удалось пробиться к сердцу простых солдат, и они внимательно его слушали и выражали полное понимание. Надо сказать, сам Дмитрий весьма мало сочувствовал целям предстоящей войны. Во-первых, он прекрасно помнил, на чьей стороне будут воевать болгары в следующих войнах. Во-вторых, ему совсем не хотелось идти воевать. На войне он уже был, хоть и недолго. Ему повезло, его миновали вражеские пули, он не подорвался на растяжке, а единственный большой бой запомнился только грохотом выстрелов, свистом пуль и взрывами сыпавшихся на них мин. По нему стреляли, он стрелял в ответ, но не был уверен, попал ли хоть раз. Потом подоспели вертушки и ударили по духам, но те испарились так, будто их и вовсе тут не было. И все бы ничего, но его лучший друг Витька лежал, раскинув руки, на земле, а его глаза бессмысленно таращились в небо. И надо бы подойти и закрыть ему глаза, но сил на это не было ни физических, ни моральных. Это была не единственная потеря их взвода, но именно Виктор был его товарищем.

После молитвы был непродолжительный отдых, а затем снова начались занятия. На сей раз в класс, где они занимались, принесли винтовку. Ведущий занятие Галеев взял ее в руки и спросил у продолжавшего сидеть с задумчивым видом Шматова:

– Эй, новобранец, как тебя, хорош мух ноздрями ловить! Вот скажи, это что, по-твоему?

– Ружо, дяденька?

– Эх, ты, серость! Ну-ка, ты теперь, Анисимов!

Анисимов – невзрачного вида солдат с невыразительным лицом – тут же вскочил и отбарабанил:

– Это есть шестилинейная переделочная винтовка системы Крынка!¹⁰

– Вот, это правильно! Повтори теперь ты, Шматов.

– Ружо, дяденька.

– Ты о чем думаешь, паразит? – изумился унтер.

– О том, как у кота яйца ободрать, – бесхитростно отвечал новобранец, вызвав просто дикий хохот у своих товарищей.

– У кота, врать не буду, не знаю, – нахмурился Галеев, – а вот у тебя, дурака, должно сегодня обдеру. Это кто же тебя, сукина сына, надоумил, интересно?

Сидевший в первом ряду ефрейтор Хитров обернулся и глазами стрельнул в сторону Дмитрия, что не укрылось от зоркого унтерского взгляда.

– Будищев!

– Я.

– Что это?

¹⁰ Крынка – так называли солдаты переделочное шестилинейное ружье системы чешского изобретателя Сильвестра Крнка.

- Шестилинейная переделочная винтовка системы Крынка, – уверенно отвечал тот.
- Запомнил или видал прежде? – поинтересовался унтер-офицер.
- Запомнил.
- Ну-ка возьми в руки.

Дмитрий с интересом взялся за оружие и подбросил его в руках. Винтовка оказалась довольно тяжелой, но при этом неожиданно прикладистой и удобной. Калибр ее был большим, миллиметров пятнадцать или около того. Затвор откидывался в сторону, открывая казенник.

- Ничего себе, карамультук! – вырвалось у новобранца.

В этот момент в класс вошел поручик Венегер. Сегодня была его очередь наблюдать за учебой, однако их благородие до сих пор не проявлял интереса к сему действию, всецело доверяя педагогическим способностям унтеров. Но взрыв хохота после ответа Шматова привлек его внимание.

- Встать, смирно! – скомандовал Галеев, заметив офицера.

Солдаты и новобранцы дружно вскочили и, замерев, принялись есть глазами начальство. Старший офицер роты, очевидно, был в дурном настроении и искал, на ком бы его сорвать.

- Что за идиотский смех? – раздраженным тоном спросил он унтера.
- Не могу знать! – гаркнул тот в ответ.

Впрочем, Венегеру ответ и не требовался. Постепенно распаляя себя, он принялся кричать:

– Кому это служба цагю и отечеству кажется смешной? Кто это гешил, что он в цигке? Какая сволочь вздумала устроить из готы балаган? Может, это тебе смешно? – накинулся он на продолжавшего стоять с винтовкой Будищева.

- Никак нет!
- Скажешь, не ты смеялся, каналья?
- Никак нет!
- Может, скажешь, что ты и смеяться не умеешь, скотина?
- Кто в армии служил, тот в цирке не смеется! – громко выкрикнул Дмитрий и, спохватившись, добавил: – Ваше благородие.
- Что? – выпучил глаза поручик. – Впгочем, ответ недугён. За бойкость хвалю. Галеев, поставишь этого бойкого под гужье на тги часа и немедля! Смотри, пговегию!!

- Слушаю!

Когда офицер вышел, Галеев заметно выдохнул, а потом, приказав вести занятия Хитрову, велел Будищеву идти за ним.

– Смотри, паря, – хмуро сказал унтер, когда они дошли до плаца, – язык у тебя острый, а мысли где сказать, а где и промолчать надобно, как я погляжу, и вовсе нет. Потому говорю прямо: с офицерами не умничай, целее морда будет! Что у поручика на уме, я не знаю, но может, его нелегкая и сюда принесет. Так что стой смирно, а отвечай либо «так точно», либо «не могу знать». Может, и пронесет. И помни, то, что ты Хитрову ребра пересчитал и тебе это покуда с рук сошло, еще ничего не значит. Офицер не ефрейтор, он глазом моргнет, как небо с овчинку покажется!

Вольноопределяющиеся сегодня целый день наблюдали за странным новобранцем и иногда покатывались со смеху, как давеча на молитве. Его ловкий ответ Венегеру и вовсе привел приятелей в бурный восторг, однако назначенное поручиком наказание заставило их забеспокоиться. Дело в том, что старший офицер роты редко рукоприкладствовал при свидетелях, однако вполне мог избить стоящего под ружьем солдата один на один. Во всяком случае, однажды такое случилось.

– Кажется, нашему посланцу грядущего может прийтись несладко, – шепнул товарищу на ухо Николаша.

– Какая дикость, – скрипнул зубами Алексей, всегда близко к сердцу воспринимавший подобные инциденты.

– Подожди, кажется, у меня есть идея, – отозвался приятель и поднял вверх руку. – Господин ефрейтор, разрешите выйти?

Хитров подозрительно посмотрел на вольнопера, однако связываться с барчуком, имевшим почти приятельские отношения с командиром роты, не стал.

– Дозволяю, – сухо бросил ефрейтор и продолжил занятия.

Штерн же, выйдя из класса, бросился на поиски поручика и вскоре нашел его идущим к плацу.

– В чем дело, гядовой? – строго вскинулся тот, но, узнав Николашу, тут же сбавил тон: – Ах это вы, у вас какое-нибудь дело?

– Так точно, ваше благородие, – четко отрапортовал вольнопер и, подойдя поближе к офицеру, принялся ему что-то толковать.

– Вот как? – удивленно выслушал его Венегер. – Пгямо тайны мадгидского двога!

Штерн в ответ только развел руки, дескать, что есть – то есть. Поручик же еще на минуту задумался, а потом уточнил:

– Гаф Блудов?

– Никак нет, просто Блудов, – тут же отозвался Николаша, – младшая ветвь.

– Ну, хогошо, – сдался офицер и с сожалением потер ладонью о кулак, – пегедайте унтегу, что я отменяю свой пгиказ. Полагаю, часа будет вполне достаточно.

– Слушаю, – вытянулся тот в ответ, – разрешите выполнять?

– Валяйте.

Полковые швальни старались изо всех сил, и на третий день после примерки мундиры и прочая амуниция были готовы. Когда призванные на военную службу новобранцы были наконец обмундированы и, как выразился подполковник Гарбуз, приведены в божеский вид, их было не стыдно предъявить на смотре.

Ради такого торжественного события в полк прибыло местное начальство во главе со здешним городским головой Николаем Дмитриевичем Живущим и протоиереем Иосифом Ширяевым. Отцы города с удовольствием наблюдали за бравыми военными и выразили всеобщее мнение, что такие молодцы разобьют всех супостатов в пух и прах, поддержав славу русского оружия. Потом должен был состояться парад, но прежде рядового Будищева привели к присяге. Как оказалось, его тезка не успел сделать это из-за болезни, что нашло отражение в соответствующих документах.

– Хочу и должен... – как эхо повторял Дмитрий слова воинской клятвы, введенной когда-то еще Петром Великим, – ...верно и нелицемерно... не щадя живота...

Было уже довольно холодно, но в мундире и с теплым набрюшником под шинелью солдаты почти не чувствовали мороза. К тому же в такие торжественные дни к обычному рациону полагалась чарка водки, в чаянии которой многие готовы были и не на такие жертвы. Когда присяга была окончена, протоиерей выступил перед строем с прочувствованной речью:

– Благородные представители славного русского воинства! Господь да благословит ваш путь, в который зовет вас святая воля царская! Это путь высокосвященный, на нем по преимуществу возрастает и достигает полного расцвета святая любовь, полагающая душу за други своя...¹¹

Будищев не слишком прислушивался к тому, что говорил священник. Накануне ему наконец удалось-таки избавиться от порядком надоевшей бородки и побриться. Дело это оказалось не самым простым. Безопасных бритв, одноразовых станков или чего-нибудь подобного

¹¹ Из подлинной речи протоиерея Иосифа Ширяева при отправке Болховского полка на русско-турецкую войну.

не существовало еще в природе, а похожая на маленький тесак опасная бритва мало того, что стоила совершенно безумных для солдата-новобранца денег, так ей еще надо было уметь пользоваться. Можно было, конечно, обратиться к цирюльнику Федоту Скокову – такому же солдату, находившемуся в подчинении у ротного фельдшера. Но последний брал за такого рода услуги не менее полкопейки за раз, а взять их было неоткуда. Выручили, как ни странно, вольноперы Штерн и Лиховцев, с которыми у него постепенно установились почти приятельские отношения. Хотя сами они, подражая опытным солдатам, отпустили небольшие бороды, бритвенные принадлежности у них были, равно как и опыт обращения с последними. Ловко убрав щетину с его щек и подбородка, Николаша цокнул языком.

– Ну чем не граф?

– Да иди ты! – отозвался Дмитрий, внимательно разглядывая себя в маленькое зеркальце.

Оставленные самозванным брадобреем небольшие усики придавали ему немного пижонский или, как выразился Штерн, фатовской вид. Но нельзя не сказать, что ему они действительно шли. Так что усы остались, а кличка «Граф» намертво прицепилась к Будищеву среди солдат. Впрочем, чисто выбритое лицо, спрыснутое вежеталем, доставляло почти физическое наслаждение, так что со всем остальным можно было мириться. Все это время в полку не прекращались всякого рода учения и стрельбы, поэтому солдаты и офицеры порядком утомились. Их благородиям повезло больше, сразу же после окончания присяги отцы города пригласили их на торжественный обед, посвященный их отправке, так что с нижними чинами остались лишь дежурные. Вольноопределяющиеся, получив увольнительные билеты, также усвистали в город, а солдаты, набившись в казарму, оказались предоставлены сами себе. Выданной после присяги водки было достаточно, чтобы привести их в минорное настроение, но мало, чтобы подбить на «подвиги». Поэтому они, разбившись на кучки, вели негромкие беседы, вспоминали дом, а затем затянули песню. Дмитрий петь не умел, рассказывать о своей прошлой жизни ему было нечего, а потому он просто сидел в уголке, лениво прислушиваясь к происходящему. Рядом с ним устроился Федька Шматов, старавшийся в последнее время держаться рядом. Некоторое время он сидел молча, но подобное времяпровождение было совершенно не в характере молодого солдата, а потому, поёрзав, он сказал, вроде как ни к кому не обращаясь:

– Пашкова давеча опять под ружье поставили...

– Какого Пашкова? – хмуро спросил Будищев и тут же пожалел, что отозвался.

– Дык Семена Пашкова, который у их благородия поручика Венегера в денщиках служит.

– За какой хрен?

– Сказывают, ванну их благородию сильно нагрел.

– А, ну за это поделом, – буркнул Дмитрий, рассчитывая, что новоявленный приятель отстанет, но не тут-то было.

– Граф, а Граф, – снова заговорил тот минуту спустя, – а «ванна» – это чего такое?

– Как бы тебе объяснить, это что-то вроде большой лохани с водой, понял?

– Ага, понял, а зачем?

– Чтобы мыться.

– Как это?

– Тьфу, ну вот ты в бане моешься?

– А как же!

– Вот, ты чего для этого делаешь, набираешь в шайку воды и льешь себе на голову, откуда она на все прочие места стекает, верно?

– Верно, а охвицера как?

– Ну, брат, стыдно такое не знать! Господа офицеры первым делом в этой самой ванне ноги да задницу мочат, а уж потом голову моют и все остальное. Поэтому кого из их благородий ни возьми, у них везде – жопа! Смекаешь?

– Ишь ты, – выпучил глаза Федька, – нешто так бывает!

Как ни тихо они говорили, сидящие вокруг их расслышали и принялись смеяться. В тяжелой солдатской жизни вообще мало поводов для радости, поэтому всякий человек, умеющий развеселить своих товарищей, чрезвычайно ценился. К числу таких относился и Будищев. Шутки его были непривычными, злыми, а иногда и скабрёзными, но именно потому запомнились. К тому же, в отличие от барчуков-вольноперов, он был для них свой брат – солдат. Каким-то внутренним чутьем они раскусили, что этот странный, непривычно говорящий молодой парень вовсе не барин, хотя и продолжали звать его Графом.

– Ну чему ты Федьку учишь, – покачал головой, отсмеявшись, дядька Никифоров, – ведь он, чего доброго, еще спрашивать у господина поручика пойдет, правда ли тот задницу вперед головы моет.

– Не, не пойду, – испугался Шматов, вызвав новый приступ веселья.

– Вот и не ходи, – велел ему старослужащий, – а то будет, как с тем котом и его яйцами!

Последние слова Никифорова покрыл такой хохот, что его расслышали сидевшие в небольшой каморке унтера. У них как раз нашлись деньги на штоф «поповки»¹², каковую они, под нехитрую закуску, с удовольствием и употребляли. Старший из них – Галеев, выглянув, добродушно оглядел солдат и, не найдя в смехе подчиненных никакой крамолы, махнул рукой, дескать, веселитесь. Однако вышедший следом Хитров был настроен не так миролюбиво. В последнее время жизнь ефрейтора не ладилась. Происшествие с новобранцем не осталось незамеченным другими, и, хотя никто ему ничего не сказал, командир звена чувствовал растущее между ним и унтерами охлаждение. Сегодняшняя попойка была его последней попыткой вернуть себе утекающий между пальцами авторитет. Именно он купил эту водку и собрал в каморке «солдатскую аристократию», рассчитывая, что спиртное поможет наладить отношения. Поначалу так оно и было, посмеивающиеся в усы унтер-офицеры с удовольствием выпили, затем оттаяли, похлопали ефрейтора по плечу, дескать, чего там, мы все одно свои люди, так что не журишь! И все бы было хорошо, если бы не этот проклятый новобранец, хотя какой новобранец, уже солдат, присягу-то принял!

– Будищев! – проговорил он, кривя губы, будто выплюнул.

– Я, господин ефрейтор, – ровным голосом отозвался предмет его ненависти и встал.

– Я тебя насквозь вижу!

– Так точно, господин ефрейтор!

– Ты думаешь, я ничего не понимаю? Ты ведь считаешь, будто я дерьмо!

– Так точно, господин ефрейтор, – снова отвечал Дмитрий под всеобщие смешки.

– Да я тебя в бараний рог согну, – взъярился Хитров, сообразивший, что попал в дурацкое положение, – я тебя расшибу, будто щенка об стену!

Шагнув вперед, он принялся закатывать рукава, демонстрируя готовность перейти от слов к делу. Унтера шагнули было за ним следом, но невозмутимый Галеев остановил их движением руки, мол, погодите покуда. Не заметивший, что остался один, Хитров, покачиваясь, подошел к ненавистному солдату и злобно ощерился.

– Что, гнида, дождался своего часа?

– Шли бы вы спать, господин ефрейтор, – невозмутимо отозвался тот, – а то упадете ненароком да зашибетесь.

– Ах ты, паскуда, – изумился пьяный и резко ударил.

Однако там, куда он целил, Будищева уже не было и, потеряв равновесие, Хитров упал. Неловко вскочив, он снова попытался ударить своего противника и снова промахнулся. Правда, на этот раз его кулак встретился с деревянным столбом, на котором держались солдатские нары, и ефрейтор взвыл от боли.

¹² «Поповка» – водка, произведенная на винокурнях фирмы «Вдова М.А. Попова».

– Да что же это такое делается, братцы, – закричал он, – солдат на своего командира руку поднял! Это же бунт!

Внимательно наблюдавшим за происходящим унтерам не слишком понравилось то, что они увидели. В принципе, они хоть сейчас были готовы вступить за Хитрова и стереть в порошок обнаглевшего солдата, но обладавший беспрекословным авторитетом Галеев вновь удержал их.

– Чего-то я не видал, чтобы он руки поднимал, – насмешливо проронил он. – Выпил ты, Васька, лишнего, вот и брякнулся на ровном месте.

Воспользовавшись, что все внимание отвлечено на говорящего старшего унтер-офицера, Дмитрий вдруг шагнул к ефрейтору и, ткнув его кулаком под ложечку, тут же подхватил обмякшее тело, сделав вид, будто помогает идти.

– Ну, чего вы, – приговаривал он, поддерживая готового упасть Хитрова, – ну, выпили чуток лишнего, ну, с кем не бывает. Давайте я вас, господин ефрейтор, до койки доведу, все и ладно будет.

– Тащи его сюда, – распорядился Галеев, – да положи тут, даст бог, проспится.

– Слушаю, – отозвался Будищев и свалил свою ношу на скамью в каморке.

– Выпьешь с нами? – прищурившись, спросил унтер.

– Если нальете, так чего не выпить?

Набулькав полную чарку, командир взвода протянул ее Дмитрию, тот, не чинясь, взялся за нее, но остановился.

– Чего не пьешь?

– Так не привык я в одиночку.

– Вот это по-нашему, – одобрительно хмыкнул Северьян и велел остальным: – Чего столбенеете, наливайте!

Дождавшись, когда у всех будут чарки в руках, он снова пристально посмотрел на Будищева и спросил:

– За что пить будем?

– За лося, – не задумываясь, отвечал Дмитрий.

– Это как?

– Ну, чтобы моглося, пилося и еще много чегося, – пояснил солдат под всеобщий смех и опрокинул в себя чарку.

– Эх, паразит, – отозвался, покачав головой, унтер, когда все выпили, – ладно, ступай покуда.

– Слушаю, – как ни в чем не бывало отозвался Будищев и шагнул к порогу.

– Только не зарывайся, – шепнул ему Галеев, сделав вид, что качнулся.

Выйдя из каморки, Дмитрий, не обращая ни на кого внимания, прошел к своему месту, затем накинул шинель, кепи и вышел вон из казармы. Улица встретила его резким порывом холодного, но чистого воздуха, особенно приятного после пропахшей запахами портянок и немывотого тела казармы. Некоторое время он бездумно шел вперед, ничего не замечая вокруг. Дойдя до ограды, Дмитрий некоторое время постоял рядом, с недоумением рассматривая ее. Наверное, когда-то это сооружение было дощатым забором, но с тех пор утекло много воды. Теперь на покосившихся от времени столбах держалось лишь несколько жердей, на которых вкривь и вкось висело несколько досок. Вообще, к его удивлению, здешнее армейское начальство весьма мало заботилось, чтобы оградить солдат от окружающего мира. Хотя, если подумать, значительная часть полка была расквартирована не в казармах, а стояла на постое в окрестных деревнях, так что особого смысла в этом не было. Есть шлагбаум, у которого стоит часовая, и ладно.

– Митя, Мить! – отвлек его от размышлений чей-то тонкий голос.

– Что? – покрутил он головой, пытаясь увидеть источник звука, и наткнулся глазами на несуразную фигуру.

Из-за забора его звала какая-то женщина в сером платке, непонятного цвета жакете не по размеру и длинной юбке. Подойдя поближе, он с удивлением узнал в ней Машку – деревенскую девчонку, попытавшуюся натравить на него местных парней.

– Нашла, – улыбнулась она во весь рот.

– Ты что здесь делаешь?

– Тебя искала.

– Офигеть! Ты как вообще тут очутилась-то?

– Тятенька в город по делам поехал, а я упросилась, чтобы он меня с собой взял.

– А зачем?

– Дурак ты, Митька! Сказано же – тебя искала.

– И как только нашла?

– Ой, намаялась, – снова улыбнулась девушка, – да и озябла, но все же нашла. Я тут давно выглядываю, хотела уж у дяденьки с ружьем спросить, да забоялась.

– Вот блин, забоялась она! Рядом с воинской частью бродить не забоялась, а тут, значит, страшно стало.

– Ага, вон он какой строгий.

– Нашла чего бояться, дуреха! Бог с ним, с часовым, он свой пост не покинет, но тут же солдаты кругом!

– И что? – захлопала невероятно зелеными глазами девушка.

– Ладно, проехали, – махнул рукой Дмитрий, не объяснять же наивной дурочке, что в его времени ее запросто могли бы затащить в казарму и так обогатить сексуальный опыт, что мало не показалось бы любой плечевой путане. Впрочем, кто их знает, этих предков, может, у них так не принято?

– Отец-то твой где?

– Известно где, в кабаке.

– В смысле, в кабаке, пьянствует, что ли?

– Чего сразу пьянствует! Дела поделал, товар продал, отчего же не выпить?

– О как! Слушай, Машка, а из тебя хорошая жена может получиться.

– Просватай и узнаешь.

– Ага, сейчас! Не видишь, дуреха, я в армии.

– Вижу, форму вон красивую дали, усы отпустил... ну ни дать ни взять – граф!

– Тьфу! Еще ты меня так не называла.

– А как тебя называть, хочешь, красавчиком звать стану?

– Маша, – вздохнул Дмитрий, – тебе сколько лет?

– Шестнадцатый, – с готовностью отвечала девушка.

– А через шесть лет сколько будет?

– Не знаю...

– Двадцать два, Машенька. А теперь скажи мне, горе мое, в каком возрасте у вас девок замуж отдают?

– Когда в шестнадцать, когда в восемнадцать...

– А после двадцати часто ли незамужними остаются?

– Если только кривая какая или порченная...

– Ну, вот видишь, а ты у нас девушка красивая, года не пройдет, как тебя просватают.

– Правда, красивая?

– Ох, чтоб меня! Маха, ключевое слово – просватают. Я когда со службы вернусь, ты уже парочку детишек родить успеешь, так что выкинь эту дурь из головы и ступай к отцу, пока он тебя искать не начал. А то еще выдерет, как сидорову козу!

– Ладно, – плечи девчонки поникли, и на глазах показались слезы.

Дмитрию стало неудобно, все же девушка потратила немало сил, чтобы найти его, а он ее так отшил...

– Как там в деревне-то? – спросил он, чувствуя, что надо что-то сказать, но не зная что. – Отцу Питириму еще колокол на голову не упал?

– Не, – замотала головой Машка, – живой он, и дядька Кузьма живой, и другие. Дядька-то болел, сразу как ты пропал, а Архип тогда же говорить косноязычно стал... ой, а это ты их?

– Ну что ты, Машенька, я человек мирный, можно сказать – пацифист!

– Ага, мирный, – невольно улыбнулась девушка, – зареченские до сих пор тебя, такого мирного, поминают, да и наши деревенские тоже.

– Привет им передавай при случае. Ну все, пока.

– Так я пойду?

– Иди. Холодно.

– Ой, совсем забыла, – спохватилась Машка, – я же тебе подарок приготовила.

– Какой еще подарок?

– Вот, держи, – сунула ему в руки сверток девушка и убежала.

Дмитрий еще долго смотрел ей вслед, а затем решительно повернулся и едва не налетел на прячущегося до сих пор за остатками забора Шматова.

– Тьфу, напугал, проклятый! – выругался Дмитрий на парня, но тот не прореагировал на брань.

– Невеста? – спросил он немного мечтательным голосом.

– Нет!

– Точно невеста! Красивая, поди?

– Ябвдул, – сокрушенно покачал головой солдат.

– А это чего?

– Ой, Федя, давай я не буду тебе это объяснять.

Развернув в казарме тайком сверток, он нашел в нем искусно вышитый кисет и по паре теплых варежек и носков.

На следующий день после торжеств их полк в полном составе отправился на железнодорожную станцию. Дмитрий, как и все остальные солдаты, нагруженный амуницией, бодро шагал в строю, придерживая рукой за приклад тяжелую винтовку. Несмотря на то что на «крынке» имелся ремень, носить ее полагалось на плече. Очевидно причиной тому был ранец, занимавший так много места, что повесить оружие за спину не было никакой возможности.

Впрочем, дошли они довольно быстро и, услышав команду «стой», остановились, оперев приклады в землю.

– Граф, а ты раньше паровоз видал? – спросил Дмитрия подобравшийся к нему поближе Федька.

– Нет, – честно ответил тот ему и с досадой посмотрел на приятеля.

Поскольку Будищев был выше многих в роте, его место в строю было на правом фланге. Шматов же, несмотря на свое довольно крепкое телосложение, был на голову ниже и потому должен был стоять в конце. Но упрямый как бугай парень все время старался держаться ближе к товарищу, за что нередко получал взыскания. Вот и на этот раз Хитров злобно зыркнул глазами в их сторону и нехотя процедил:

– Вы опять строй ломаете?

– Никак нет, – тут же ответил Федька и попятился.

Ефрейтор, очевидно, хотел еще что-то сказать, но слова его заглушил гудок подходящего паровоза, тянущего за собой вагоны. Дмитрий с удивлением рассматривал дымящее чудо инженерной мысли. Совсем небольшой размерами локомотив двигался, как неизвестный науке

зверь, пыхтя от натуги. Неожиданно ему понравилась диковинная машина, и в голове мелькнула мысль: «Трудно ли научиться ею управлять?» Решив для себя, что, должно быть, ничуть не труднее, чем никем не виданным здесь автомобилем, он усмехнулся своим мыслям и принялся рассматривать вагоны. Они тоже были невелики размерами и всего на двух осях. Тут раздалась команда: «По вагонам!», и солдатская масса встрепенулась. Где-то совсем рядом офицеры кричали унтерам, распределяя взводы и отделения по теплушкам. Те, в свою очередь, командовали солдатами, и погрузка началась. Для господ офицеров предназначался прицепленный в конце состава¹³ классный вагон, а солдаты занимали места в теплушках. Кто и когда дал этим деревянным коробкам на колесах такое название, Дмитрий не знал, но первое, что пришло ему в голову, при ближайшем знакомстве с ними, было – скотовоз! Единственным, что можно было назвать хоть каким-то удобством в них, были грубо сколоченные нары, позволявшие разместить «пассажиров» в два яруса, и обитые войлоком стены. На полу и нарах лежала солома, очевидно, предназначенная для утепления. Ни про отопление, ни про туалет не было и речи, и каково будет путешествовать в этих, с позволения сказать, вагонах, если ударят морозы, можно было только догадываться.

– Чего встали, ну-ка вперед! – гаркнул Галеев, когда дошла их очередь.

Солдаты дружно полезли внутрь теплушек и принялись размещаться. Закинув ранец и сухарный мешок на одну из полок, Будищев тут же отправился вслед за ними. Его соседями оказались приятели вольноперы и, конечно, неразлучный с ним Шматов. Вчерашним студентам их средство передвижения тоже не слишком понравилось, а вот Федя, как видно, счел его вполне благоустроенным и удобным.

– Чего только люди ни придумают, – мечтательно сказал он, устраиваясь на нарах. – Раньше бы мы на своих двоих, эвон, сколько маршировали, а теперь, гляди-ка, паровоз нас повезет по чугунке!

– Да, – с некоторым сомнением в голосе согласился с ним Лиховцев, – прогресс не стоит на месте. Железные дороги представляют куда больше удобства, нежели прежние экипажи.

– В смысле, те еще хуже? – поинтересовался Дмитрий.

– По крайней мере, медленнее, – хохотнул неунывающий Николаша.

– Эй, глядите-ка, православные, какая мамзеля нас провожать пришла! – раздался голос какого-то разбитного солдатики, сидящего у раздвинутых настежь дверей.

– Небось, студентов наших выглядит, – пробурчал зрящий в корень дядька Никифоров.

– Не, – засмеялся в ответ первый, – она не иначе к Графу!

– Это ты почему так решил?

– Больно фигуристая, как раз по его рукам, – не задумываясь, отвечал балагур, вызвав всеобщий смех.

Штерн с Лиховцевым, привлеченные этими словами, выглянули наружу и, узнав Софью, тут же выпрыгнули из теплушки, подбежав к девушке и сопровождавшему ее отцу.

– Модест Давыдович, Софья Модестовна, – пролепетал Алеша, пожирая глазами предмет своего обожания, – какой чудесный сюрприз!

– Ну что вы, право, молодые люди, – благодушно пробурчал в ответ Батовский. – Неужели вы думали, что мы не проводим вас в столь долгий путь.

– Но, любезный дядюшка, – воскликнул Николай, – как же вы нас сыскали в этом вавилонском столпотворении?

– Как говорят в народе – долго ли умеючи!

– А отчего я не вижу своего кузена?

¹³ Поскольку паровозы в ту пору нещадно дымили, классные вагоны для чистой публики ставили не в начале состава, а в конце.

– О, этот несносный мальчишка имел неосторожность простудиться и потому посажен Эрнестиной Аркадьевной под арест.

– В таком случае, кланяйтесь Маврику и пожелайте ему скорейшего выздоровления!

– Не премину.

Пока они так разговаривали, Дмитрий тоже выглянул из вагона и тут же наткнулся глазами на ту самую барышню, которая так заразительно смеялась над его нелепым видом при выписке из больницы. Как-то так случилось, что глаза их встретились, и он не нашел ничего лучшего, как кивнуть и приложить два пальца к козырьку кепи, будто и впрямь был графом. Девушка удивленно и, скорее всего, по привычке, ответила ему кивком. Это не укрылось от внимательного взора ее отца, и Модест Давыдович не без удивления спросил:

– С кем это ты поздоровалась, Софи?

– У этого солдата ужасно знакомое лицо, – смутилась девушка, – правда, я никак не могу припомнить, где мы встречались.

– А ведь верно, – согласился с ней доктор.

– Ну, что же вы, дорогой дядюшка, – засмеялся Николаша, – своего пациента не признали!

– Пациента?

– Ну как же, прошу любить и жаловать, Дмитрий Будищев собственной персоной. Вы его, кажется, от потери памяти пользовали. Неужто запамятовали?

– И впрямь он, – нахмурился Батовский, – однако с той поры сей «господин из грядущего» весьма переменялся.

– Это – да, но он вообще, нельзя не признать, человек довольно необычный. Судите сами, он ловок, силен, грамотен, но при этом не знает многих элементарных вещей. Кстати, странно, что Соня его вообще узнала, она ведь видела его не более минуты.

– Грамотен?

– Не слишком, – вступил в разговор Лиховцев, которому приятель уже оттоптал все ноги, намекая, что неприлично так засматриваться на незамужнюю барышню, – читает он бойко, но вот пишет просто ужасно.

– Вот как?

– К сожалению, да, Модест Давыдович. Судите сами, о существовании ятей и десятиричного «і» он до недавних пор не подозревал. В дробях¹⁴ путается, про меры веса и говорить нечего. То, что в фунте девяносто шесть золотников, было для него открытием. Увы, народ наш совершенно не просвещен, и рядовой Будищев тут если и блещет, то лишь на фоне всеобщего невежества.

– А вы хорошо осведомлены.

– Мы, некоторым образом, приятельствуем, – пояснил Штерн, – к тому же у нас была мысль сделать ему карьеру.

– Карьеру?

– Ну да, перевести в писари.

– Погодите-ка, – сообразил Батовский, – а пока достаточно грамотного солдата под рукой нет, наш общий друг, господин Гаупт, эксплуатирует двух вчерашних студентов, не так ли?

– Увы, – состроил умильную физиономию Николаша.

– Кузен, вы неисправимы, – усмехнулась Софья, – сколько я вас помню, вы всегда пытались отлынивать от своих обязанностей. Но у вас никогда ничего не получалось.

– Ну, что же, мне пора в больницу, – решительно заявил Модест Давыдович. – Сонечка, прощайся с кузеном и Алексеем Петровичем. Им, вероятно, тоже не следует здесь долго нахо-

¹⁴ Привычные для нас десятичные дроби тогда почти не применялись. Правила правописания также довольно сильно отличались от современных.

диться, так что мы пойдем. Всего вам доброго, молодые люди, надеюсь, что мы скоро увидим вас вновь, причем непременно живыми и здоровыми.

Тем временем солдат, первым заметивший Батовских, продолжал балагурить:

– Ошибочка вышла, Граф, не по твоим рукам мамзеля оказалась.

Будищев, к которому он обращался, лишь криво усмехнулся и философски заметил:

– Всех денег не заработать, всей водки не выпить, всех девок не перелюбить... но стремиться к чему-то нужно!

– Ишь ты, – покрутил головой весельчак, – только все одно тебе этой крали не видать.

– Кто знает, кто знает, вот что могу точно сказать, так это то, что студенты, как вернутся, тебе за такие слова об этой барышне в бубен настучат.

– Не, не подолеют! – беспечно отмахнулся солдат.

– Это если я им помогать не стану, – улыбка Дмитрия в один момент стала угрожающей.

– Эй, ты чего, Граф, я же шутейно!

– И я пошучу.

– Да ну тебя!

– Эй, Будищев, – подал голос Хитров, – ты чего это, никак драку затеваешь? Давай-давай, я тебя враз под арест определяю.

– Что вы, господин ефрейтор, и в мыслях не было!

– Вот то-то.

Дорога запомнилась Дмитрию только собачьим холодом и частыми остановками. Дороги на юг были забиты другими воинскими эшелонами, потому эшелоны их полка, добравшись до Бологого, направились не на юг, а на запад, сделав таким образом изрядный крюк. Иногда патристически настроенная общественность устраивала военным торжественные встречи. Служились молебны, произносились речи, затем господ офицеров приглашали на обед. Не забывали и про солдат: прямо на станциях в таких случаях стояли грубо сколоченные дощатые столы, уставленные жестяными кружками с чаем и булками. Но чаще поезда просто стояли, ожидая паровозов или просто своей очереди, поскольку значительная часть железнодорожных путей была одноколейными. Если была возможность, солдаты в таких случаях собирали хворост и палили костры, пытаясь согреться и приготовить пищу. Если удавалось похлебать горячего, люди веселели, начинали балагурить и петь песни.

Случались, правда, и постные дни, и тогда офицеры, как могли, пытались подбодрить своих подчиненных. Особенно этим отличался начальник их эшелона подполковник Гарбуз. Высокий, худой, с болезненным выражением лица, он как мог старался помочь солдатам, но у него было не так много возможностей.

Поскольку замерзать, стойко перенося тяготы и лишения воинской службы, было совершенно не в характере Будищева, он всячески пытался исправить ситуацию: ходил за хворостом, поддерживал огонь, первым вызывался расчищать пути. А однажды они вместе с неразлучным Шматовым притащили невесть откуда целый стог сена, для утепления вагона. Возможно, в другое время это послужило бы поводом для разбирательства, но, на их счастье, состав скоро тронулся, и начальство осталось в счастливом неведении по поводу этого происшествия.

Единственным светлым пятном в этом тяжелом путешествии была остановка в Гатчине. Их разместили в теплых казармах лейб-кирасирского полка, хорошо накормили, но самое главное – сводили в баню. Отмывшись и до иступления нахлеставшись березовым веником, Дмитрий вновь почувствовал себя человеком. Выйдя из парилки, он кое-как натянул исподнее и в изнеможении опустился на лавку, прикрыв глаза.

– Пивка бы, – невольно вырвалось у него.

– Оно бы хорошо, – согласно прогудел кто-то совсем рядом, – да только нету!

С трудом разомкнув веки, солдат увидел здоровенного кирасира, с сочувствием смотрящего на него.

– Что, земляк, намаялся? – продолжал, благожелательно улыбаясь, здоровяк. – Ничего, я слышал, вам за ужином еще по чарке поднесут, тогда и поговеешься.

– Есть маленько, – махнул головой Будищев и поскреб ногтями заросший за время пути подбородок.

– Побриться надо? – понятиливо спросил кирасир. – Пошли к цирюльнику, он твоему горю поможет.

– Денег нет, – попытался отказаться Дмитрий, но гостеприимный хозяин и слушать его не стал, потащив к взводному брадобрею. Тот, впрочем, не стал возражать, а, быстро взбив пену, намазал солдату щеки и мгновенно отскоблил изрядно отросшую щетину.

– У нас не забалуешь, положено бриться и шабаш, – усмехнулся цирюльник, глядя на рассматривающего себя в зеркало пехотинца. – Правда, усы тебе такие не по чину, чай не гусар, но жалко сбривать было.

– В гусары таких рослых не берут, – покачал головой крепыш. – С его статями впору у нас служить али в преображенцах!

– Спасибо, братцы, – поблагодарил он кирасиров, – не знаю чем и отблагодарить.

– Ты – гость, – отмахнулся в ответ цирюльник. – Да еще на войну едешь. Велено вашего брата с почетом принимать.

– Граф, вот ты где! – ворвался к ним взъерошенный Федька. – А я тебя обыскался.

– Чего это он тебя Графом кличет? – насторожились кирасиры. – Или ты из благородных?

– Да какое там, – отмахнулся Дмитрий, – прицепили погоняло, теперь никак отделаться не могу.

– Поосторожнее с такими прозвищами тут, еще услышит кто не надо ненароком, так будет дело!

– Слышал, Федор, что тебе умные люди говорят?

– Ага, слышал, а как тогда?

– Тьфу ты пропасть, ты что, моего имени не знаешь или фамилии? Вот так и зови.

– Хорошо, Митя.

– Чего-ради искал-то?

– Дык, смотрю, а тебя нет нигде!

– Ладно, пошли. Спасибо вам, земляки.

– Не за что. Всыпьте туркам и за нас, вот и будем квиты.

– Так может, еще сами всыплете, война-то еще не началась, да ведь и не завтра кончится.

– Какое там! Так и будем всю войну, то плац-парад, то развод, то еще какой караул, ети его за ногу. Тоска! Тут и войне рад будешь, от такой паскудной житухи.

Но это было исключением из правила, и дальше опять пошли бесконечные версты пути, ночевки в холодных вагонах и прочие «прелести» зимнего путешествия. Чтобы хоть как-то скоротать время, солдаты рассказывали друг другу байки, смешные случаи из прошлой жизни. Впрочем, жизнь русских крестьян совершенно не изобиловала занимательными историями, и веселого в ней было мало. Тяжелый труд, высокие налоги, да еще и непомерные выкупные платежи за землю. Наконец запас историй истощился, а байки пошли на второй-третий круг.

– Эх, барчуки, – посетовал как-то дядька Никифоров, – хоть бы вы чего рассказали интересного? У вас-то житее всяко повеселее нашего было!

– Я, право, не слишком хороший рассказчик, – смутился Алексей Лиховцев, – да и студенческая жизнь не так уж и занимательна. Учеба, экзамены, уроки, чтобы прокормиться...

– Тебя послушать, у студентов не жизнь, а каторга, – усмехнулся Дмитрий.

– Нет, конечно, но...

– Девушка-то у тебя была? – перебил его Будищев.

- В смысле девушка? Невеста, что ли... да, то есть нет.
 - Как это?
 - Ну, мы не объявляли о нашей помолвке, но она мне твердо обещалась...
 - Понятно, значит – нет!
 - Эх, Граф, взял да и оконфузил человека, – покрутил головой Никифоров, – у тебя-то, видать, от девок отбою не было?
 - К нему невеста приходила, – ни к селу ни к городу встрял в разговор несносный Шматов, – я видал!
 - О как, и что, справная девица?
 - Ага, глазастая!
 - Эх, Федя-Федя, глаза-то в этом деле как раз не самое важное...
 - Да ладно вам, охальникам, все бы про баб да про непотребство какое, – строго заявил другой старослужащий солдат – дядька Супонев. – Господа студенты, как ни крути, люди грамотные, книжки читали разные. Может, растолковали бы нам, как она жизнь-то дальше будет? Полегче станет когда простому человеку, али как?
 - А вы у Будищева спросите, – нашелся в ответ Николай Штерн.
 - Так ему-то откуда знать?
 - А он из будущего, во всяком случае, исправник так решил, когда его на болотах нашел.
 - Ишь ты, из будущего, – озадаченно покрутил головой Супонев и повернулся к Дмитрию. – Ты чего молчишь, Граф, расскажи обществу...
 - Спрашивай, – просто отозвался тот, метнув недовольный взгляд на Николашу.
 - Чего спрашивать-то?
 - Ну, что тебе интересно, то и спрашивай.
 - А какие там, в будущем, бабы? – с загоревшимися глазами спросил Федька.
 - Кто о чем, а вшивый о бане, – под всеобщий смех заметил Дмитрий. – Ну, слушай: бабы, то есть девки, то есть вообще женщины, станут худеть...
 - Зачем это? – озадачился Супонев.
 - ...любки они будут носить короткие, а волосы стричь. Да еще красить в разные цвета, от рыжего до синего.
 - Ишь ты, а короткие – это как, чтобы подол в грязь не попадал?
 - Еще короче, Федя.
 - Неужто до колена?
 - До колена – это самые длинные. А по большей части по середину бедра.
 - Это что же за непотребство такое! – сплюнул Супонев.
 - Вот это да, – прошептал потрясенный Шматов. – А кто же их таких замуж возьмет с синими волосами да с таким куцым подолом?!
 - Так если все такие, чего же не взять. Тем более что развестись будет не проблема. Пожил с одной, не понравилось – развелся. Пошел другую искать!
 - А с невинностью как же?
 - Да ее в будущем любой доктор сможет починить. Полдня делов, зашла баба – вышла девка!
 - Эх, нашли кого спросить, – сокрушенно покачал головой дядька Никифоров, – ить он, паразит, смеется над вами, а вы и уши развесили!
- Будищев еще долго описывал солдатам женщин из будущего и простоту их нравов, перемежая рассказы скабрёзностями и вызывая тем самым гомерические приступы хохота. Даже приятели вольноперы заворожено слушали его фантастические рассказы, смеясь вместе со всеми, и только более деликатный Алексей иногда морщился от излишнего натурализма. Николай же, казалось, был в полном восторге и только что не хлопал в ладоши, как в театре. Наконец, солдаты постепенно уgomонились и стали устраиваться спать.

– Николаша, скажи мне, – прошептал Лиховцев Штерну, – зачем ты рассказал остальным про эту историю?

– Чтобы отвлечь от тебя и твоей гипотетической девушки. Видишь ли, мне не очень понравилось, как Будищев отозвался о твоей возможной невесте. Не забывай, Софи мне все-таки кузина. К тому же, если ты не заметил, он обладает весьма любопытной способностью разговорить любого, и, если бы я не отвлек внимание от тебя, то Дмитрий очень скоро выведал бы у тебя все подробности, и ничем хорошим это не кончилось. А так он повеселил солдат, и все забыли и думать, есть ли у вольноопределяющегося Лиховцева дама сердца или нет.

– Все-таки твой дядюшка прав, нет ни малейшей вероятности, что он попал к нам из грядущего.

– Тебе не понравилась описанная им женская мода?

– Мне вообще не понравились его рассказы! Совершенно очевидно, что со временем, под влиянием прогресса, нравы будут лишь улучшаться. А мир, описанный Будищевым, просто ужасен. У него невероятно большая фантазия, и я полагаю, что его напрасно выписали из палаты для душевнобольных.

Всякая дорога, какой бы длинной она ни была, когда-нибудь заканчивается. Подошел к концу и путь Болховского полка. Миновав после Гатчины Белосток, Вильно и Брест-Литовск, воинские эшелоны в начале декабря подошли к Бердичеву.

Последний оказался довольно благоустроенным уездным городом с большим количеством каменных домов, вокзалом, присутствиями¹⁵, больницей, кабаками и, конечно же, городской тюрьмой. Имелось также множество синагог, несколько костелов, и главная доминанта города – парящий над ним православный собор. Впрочем, в самом Бердичеве разместился только штаб полка и склады военного имущества, а роты сразу же после выгрузки стали разводить на постой по окрестным деревням.

– Эй, Будищев, – окликнул задумавшегося солдата, Галеев, – ступай с отцом Григорием, поможешь ему.

– Слушаю, господин старший унтер-офицер!

– Да смотри мне, не напортачьте чего!

– Как можно, господин старший унтер-офицер!

– То-то.

– Дяденька, а можно мне с Графом? – взмолился вертевшийся тут же Шматов.

– Какой я тебе «дяденька»? – взъярился поначалу унтер, но потом махнул рукой, дескать, ступай, бестолочь.

Помощь священнику заключалась в погрузке на две двуколки имущества походной церкви: иконостаса, аналая и других принадлежностей, названия которых Дмитрий не знал. Быстро управившись, солдаты вопросительно посмотрели на отца Григория, но тот не стал их сразу отпускать.

– Скажи мне, чадо, – спросил он у Федора, – умеешь ли ты обращаться с конями?

– Конечно, батюшка, – бесхитростно улыбнулся парень.

– Вот и бери вожжи на второй, а мы с Будищевым покамест потолкуем.

Хотя Шматову было безумно интересно, о чем священник собирается говорить с его приятелем, он послушно кивнул и занял место на козлах. На первой повозке править взялся сам отец Григорий, и какое-то время они ехали молча. Наконец, когда тишина стала совсем уж гнетущей, священнослужитель тихонько спросил:

– Скажи мне, раб божий, а каком таком грядущем ты своим товарищам толковал? Про каких таких дев с синими волосами с короткими подолами рассказывал?

¹⁵ Присутственные места – государственные учреждения.

– Да это я так, шутейно, – не стал отнекиваться Дмитрий, сообразивший, откуда ветер дует.

– Про то, что священное таинство венчания можно отринуть и вдругорядь жениться, ты тоже шутил?

– А вот этого не было!

– Что значит не было, разве ты, пакостник эдакий, про разводы не рассказывал?

– Про разводы говорил, а вот про венчание ни слова!

– Какой же развод может быть, если венчания не случилось?

– Так я про гражданский брак...

– «Гражданский брак», богохульник, сиречь непотребное сожительство!

– Не скажите, батюшка, – принялся возражать Дмитрий, понявший, что угодил в нехорошую историю и выкрутиться ему может помочь только наглость, – разве не бывает такого, что в церкви обвенчали молодых против их согласия?

– Всяко бывает, так что с того? То, что Господь соединил, человеку разрушить не дано! Стерпится – слюбится.

– Ага, а если не стерпится? Потом или маются, или гуляют друг от друга тайком! Ну, я и сказал, что не лучше ли, чтобы молодые сначала пожили вместе, а лишь потом повенчались. А если не подходят друг к другу или, к примеру, детей нет, то и развелись без волокиты.

– Тьфу, окаянный! Если Господь детей не дает – молиться надо! По святым местам ездить, к иконам чудодейственным прикладываться, а не о блуде вождель!

– Спасибо, батюшка, что развеяли мои заблуждения, – неожиданно заявил расходившемуся священнику Дмитрий. – Вы мне просто глаза открыли!

– Что?! – выпучил глаза сбитый с толку отец Григорий. – Ты издеваешься надо мной, порождение антихристово?

– Да как можно! Я, можно сказать, до сих пор во тьме пребывал, – принялся с жаром уверять его солдат, – вот и нес чего попало! А теперь я свет увидал... нет ли у вас батюшка, акафиста Божьей Матери?

– Митя, – неожиданно ласково спросил его священник после короткого молчания, – ты видишь, что там?

– Не знаю, синагога, наверное...

– Правильно, а вон там?

– Церковь. Только какая-то...

– ...католическая это церковь, – закончил за него священник, – иначе – костел.

– Ну да, наверное, а что?

– А то, что я не иудей и не католик. Я, Митя, – православный! Я ведь могу и в морду дать!

От удивления у Будищева пропал дар речи, а отец Григорий, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Ты ежели сам афей¹⁶, то что поделаешь. Но не смей отворачивать от церкви Христовой малых сих, иначе лучше бы тебе на шею жернов мельничный, да и в воду! И это я тебе, нечестивцу, не Святое Писание растолковываю, а объясняю, чем все закончиться может! Внял ли?

– Понял...

– Так вот, Митя. Впереди война, и кто его знает, как оно повернется. Бывает, что и грешники добро творят, а случается, что и праведники обмишуляются. Я за тобой давно слежу. Станный ты, но к воинскому делу способный, а потому офицерам я о твоих художествах рассказывать не буду, если ты, конечно, не прекратишь непотребства сии.

– Не буду больше, батюшка!

¹⁶ Афей – атеист.

– Ну и ладно. Ой, а ведь мы, пожалуй, что и приехали. Спасибо вам, чада, что пособили отцу своему духовному.

С этими словами отец Григорий благословил слезшего с козел Шматова и, укоризненно глянув на все еще озадаченного Будищева, пошел к собору.

– Граф, а Граф, – спросил Федор, когда они возвращались назад, – а чего это батюшка тебя благословлять не стал?

– Грешен я, – трагическим голосом отвечал ему Дмитрий.

– Все грешны, кроме Господа, а все же?

– Отстань, Федя, давай лучше водки, что ли, купим?

– Давай, только у меня денег нет.

– С деньгами и дурак сумеет, ты так попробуй.

– Как это?

– А вот смотри, – усмехнулся его приятель и повернул к ближайшему питейному заведению.

Неказистый снаружи кабак изнутри тоже не блистал убранством. Располагался он в полу-подвале, через небольшие оконца под потолком в помещение попадало мало света, и потому оно всегда находилось в полумраке. Одну из стен целиком занимала большая стойка, за которой стоял кабатчик, а за столиками сидели несколько посетителей и о чем-то тихо переговаривались. Появившиеся на пороге солдаты привлекли всеобщее внимание, тем более что один из них, входя, хотел по привычке перекреститься, снял было кепи, но, не заметив икон, смутился и нахлобучил головной убор обратно. Второй же лишь криво усмехнулся и, обведя глазами присутствующих, поздоровался:

– Шалом, евреи!

– Шалом, – ответил странному солдату кабатчик и добавил несколько слов на идиш.

Но ничего не понявший Будищев, даже не подумав ему отвечать, уселся за крайний стол и прислонил к нему винтовку. Шматов, помявшись, последовал примеру товарища и все же стянул с головы свое кепи, положив его на стол.

– Господа солдаты хотят что-то заказать? – перешел на русский язык кабатчик.

– Нет.

– Тогда зачем вы пришли?

– Все дело в моем покойном друге, – со вздохом отвечал ему Дмитрий, – он был родом из Бердичева и перед смертью просил навестить его мать.

– И вы таки хотели найти ее у меня в трактире?

– Нет, конечно, но мой друг не успел сказать мне своего адреса. Он попросил только, чтобы я навестил старушку, но не сказал, где она живет. Я подумал, что в вашем заведении бывают разные люди и, может, они подскажут, где ее искать?

– А как звали вашего друга?

– Марк Бернес.

– Никогда не слышал этого имени.

– Очень жаль. Наверное, я просто ошибся... у вас слишком маленькая забегаловка и вряд ли тут бывает много народа. К тому же Марк был приличным молодым человеком и, скорее всего, ходил по другим местам. Мы, пожалуй, пойдем...

– Что вы такое говорите! У меня, конечно, не ресторация, но тут тоже бывают весьма почтенные господа. И я никогда...

– Подожди, Соломон, – прервал трактирщика один из посетителей, – может быть, речь о сыне старой тети Сары?

– Так ее фамилия совсем не Бернес.

– Я тебя умоляю, это фамилию Рубинштейн никто не перепутает, а принять Бернштейна за Бернеса могут запросто, особенно го... прошу прощения, господа, я не хотел сказать ничего обидного.

– Подожди, Израиль, но ведь Марка Бернштейна забрали еще в те времена, когда были рекрутские наборы, он должен быть постарше...

– А разве молодой человек хоть слово сказал тебе про возраст своего приятеля? Кстати, господин солдат, а в каких ваш друг был годах?

– Сказать по правде, я не знаю его точного возраста. Но чисто внешне он был лет на пять меня старше, хотя, может быть, это у него от тяжелой жизни?

– Да уж, жизнь еврея трудно назвать легкой!

– Нет, это не может быть Марк Бернштейн, – вступил в разговор другой посетитель, – он совсем недавно прислал своей матери письмо, и она рассказывала об этом всей улице.

– Ой вей, господин Шлангбаум, разве полгода назад это совсем не давно?

– Наверное, это точно не он, – подал голос Дмитрий, – потому как мой друг умер больше года назад.

– Да что вы говорите! Вы таки разве не знаете, как сейчас работает почта? Ваш друг вполне мог отправить это письмо три года назад, потом жениться, наделать детей, затем скончаться, а письмо бы все еще шло!

– Федя, ты, наверное, проголодался? – Будищев вдруг вспомнил о своем товарище. – Наверное, сегодня мы не найдем мать моего друга, так что давай возвращаться. Может быть, мы еще пробудем здесь какое-то время, и я смогу поискать в другой раз?

– Подождите, молодые люди, если вы хотите есть, так вы пришли куда надо. Если уж вы проделали такой длинный путь, чтобы передать последние слова от умирающего сына матери, так неужели у старого Соломона не найдется чем вас накормить!

– Нет, что вы, нам нечем вам заплатить...

– Ничего, заплатите в другой раз. Но может быть, вы хотите выпить?

– Что вы, мы с Федей совсем не пьем, разве что помянуть безвременно ушедшего Марка.

Когда через три часа, трактирщик проводил солдат, он вдруг с изумлением сообразил, что они так и не выяснили, ни кто такой этот Марк Бернес, ни где может проживать его мать, ни где искать этих солдат, если все же она найдется.

– Что-то странное происходит в мире, – задумчиво сказал он вслух, хотя рядом никого не было, – русские солдаты пришли ко мне, бесплатно поели, выпили и унесли с собой почти целый штоф водки, а я ничего не могу понять... может, скоро конец света?

Рота штабс-капитана Гаупта разместились в небольшом селе Семеновке в десяти верстах от Бердичева. Местные жители приняли русских солдат без особой радости. Жили они и без того не слишком обильно, а от навязанных им постояльцев ни малейшего прироста не предвиделось, скорее наоборот. Первые пару дней намерзшие в пути солдаты просто отогревались у горячих печек, и больших проблем от них не было, но затем начались эксцессы. То домашняя птица пропадет, то дерзко глядящему местному жителю наломают бока, то молодухе залезут под подол. Впрочем, именно в их селе подобного рода происшествия случались достаточно редко, поскольку Гаупт бдительно следил за своими подчиненными и не допускал падения дисциплины. А вот из соседнего Белополья, где стояла стрелковая рота поручика Михая, доходили куда более удручающие известия.

Так случилось, что Дмитрий с Федором были расквартированы вместе с приятелями-вольнооперами. Хата, в которой их поселили, была не то чтобы велика, но достаточно просторна по сравнению с другими жилищами. Хозяин ее, мрачный мужик лет сорока пяти, по имени Охрим Явор, смотрел на постояльцев волком, но задирается не лез и лишь ревниво приглядывал за женой. Его супруга Ганна, румяная хохотушка, была по меньшей мере вполо-

вину моложе его и относилась к постояльцам почти приветливо. Почти – потому что при муже старалась ее не выказывать, чтобы не вызвать его неудовольствия. Напряженности в семье добавляло то, что у молодой жены пока не было детей, а вот у Охрима была дочь от первого брака – двенадцатилетняя Оксана. Девочка отчего-то очень боялась постояльцев и старалась не попадаться им лишний раз на глаза.

Ганна же, в отличие от своих домашних, быстро сообразила, что с постояльцами им повезло. Ни студенты, ни Будищев лишнего себе не позволяли, а Шматов и вовсе вскоре стал помогать ей с домашней работой: колот дрова, носил воду и даже чистил в хлеву за скотиной. Дмитрий иногда подшучивал над своим товарищем, спрашивая, чем с ним расплачивается красавица-хозяйка, на что Федор неизменно краснел и бурчал что-то невразумительное.

Вскоре после прибытия произошло одно печальное событие: умер командир второго батальона подполковник Гарбуз. Поговаривали, что он и прежде хворал и вполне мог быть остаться в Рыбинске, испросив отпуск для поправки здоровья. Но будучи человеком долга, он не смог оставить своих подчиненных и отправился на войну вместе с ними. В дороге он простудился и еще больше ослаб, так что по прибытию ему пришлось лечь в постель, с которой ему не суждено было подняться. Отпевали покойного в соборе, за гробом его шли все офицеры полка, а предавали земле под винтовочные залпы почетного караула.

Смерть этого достойного офицера произвела на многих удручающее впечатление, но жизнь продолжалась, и вскоре на первый план вышли другие заботы. Трижды в неделю в полку устраивались учения. Но, поскольку собрать разбросанные по округе роты и батальоны было делом совсем не простым, каждый ротный начальник учил солдат в меру своего разумения. К примеру, Гаупт стал усиленно обучать своих подчиненных рассыпному строю и караульной службе, а, скажем, поручик Михай по-прежнему главное внимание уделял маневрам в составе ротной колонны.

Вернувшись с учений, солдаты устало расходились по своим квартирам в чаянии тепла и горячей пищи. Хата Яворов находилась чуть на отшибе, и Будищев со своими товарищами несколько задержались. Еще подходя ко двору, они услышали истошный крик Ганны и удивленно переглянулись.

– Кажется, что-то случилось? – с тревогой спросил Лиховцев и озабоченно повернулся к Штерну.

– Похоже на то, – кивнул Николаша, – правда, я совершенно не представляю, что именно.

– Тоже мне бином Ньютона, – хмыкнул Будищев, – небось Федька набедокурил, а Охрим теперь жену уму-разуму учит!

– Да ладно тебе, Митька, не было ничего такого, – пошел в отказ подозреваемый.

– Удивляюсь я вам, Дмитрий! – с досадой заговорил Алексей. – Вы, несомненно, человек, хоть и поверхностно, но все же образованный. Но что от вас можно услышать кроме скабрёзностей? Вот и теперь вы помянули имя выдающегося ученого в совершенно неподобающем ключе!

– Хорош проповедовать, – оборвал его Будищев, – походу там что-то серьезное приключилось!

Навстречу солдатам со двора выбежала Ганна и, запнувшись, бухнулась перед ними на колени. Обычно хорошо и даже с некоторым кокетством одетая молодая женщина была растрепана и бессвязно что-то повторяла.

– Эй, хорош голосить! Говори, что за беда?

– Ратуйте, – выдохнула она, – Ксана, дочка...

– Да что случилось-то?

Все, что получилось разобрать из слов обезумевшей женщины, это то, что еще поутру какая-то нелегкая унесла дочку Охрима – Оксану – в лес и она до сих пор не вернулась. Самого Явора, отлучившегося по какой-то надобности из дома, не было, и что делать, Ганна не знала.

– Что же делать? – озадаченно воскликнул Лиховцев. – Пожалуй, надо пойти искать девочку, а то ведь, чего доброго, замерзнет.

– Ага, или волки съедят, – не подумав, добавил Шматов.

Услышав о такой возможности, и без того находящаяся в расстроенных чувствах женщина едва не грохнулась в обморок.

– Умеешь ты, Федя, женщин успокаивать, – покачал головой Будищев и обернулся к вольноопределяющимся. – Ребята я, кажись, у вас компас видел?

– Есть, а зачем вам?

– Поступим так, вы дадите мне компас и побежите к начальству доложить о случившемся. Вы с ротным вась-вась, так что он вас послушает. Пусть поднимает людей и идет на поиски. Федька пусть эту клушу в дом отведет, пока не застыла или еще чего не отчебучила, а я по следам пойду.

– Одному не годится, нужно остальных подождать!

– Ты на погоду посмотри. Рубль за сто, что через час снег повалит и мы не то что следов, света белого не увидим! Винтовку только мою возьмите, а то тяжелая зараза.

– А если и впрямь волки?

– Федька, твою мать, я тебе сейчас сам горло перегрызу! Да не менжуйся, я штык возьму, отобьюсь если что.

Товарищи с сомнением посмотрели на Будищева, но припомнив, как ловко тот кидал его в стену, вынуждены были согласиться. Лиховцев опрометью бросился в хату и вынес ему компас.

– Может, я все же с вами?

– Бежать целый час без остановки сможешь? Или два, или сколько понадобится?

Алексей вынужден был согласиться. С того момента, как их рота была расквартирована в селе, Дмитрий каждый день тренировался, вызывая недоумение сослуживцев. Бегал, колотил подвешенный в сарае мешок, набитый землей, подтягивался на перекладине. Если кто и мог до снегопада найти девочку, так это Будищев.

– Ну, хорошо, тогда возьмите еще и это, – вдруг протянул ему сверток Штерн.

– Что это?

Тот в ответ лишь развернул тряпицу, в которой оказался небольшой револьвер, и протянул его Будищеву.

– Вы умеете стрелять?

– Разберусь, – буркнул тот и сунул оружие за пазуху.

Следы маленьких ног нашлись сразу за хатой. Девочка, вероятно, вышла погулять, пока никого не было дома. К сожалению, вместо того чтобы пойти к подружкам, она потопала в сторону леса. «Грибы она, что ли, искала», – с досадой подумал Будищев, быстро идя по следу. Хотя нет, не грибы. Вон в приближающихся сумерках краснеют гроздья рябины на дереве. Не бог весть какое лакомство, но судя по всему, дети в этой деревне вообще ничего слаще морковки не видели.

А это что? Следы явно взрослого человека, причем, скорее всего, мужчины. Вот на оттаявшем днем пятачке они отпечатались достаточно ясно, и Дмитрий понял, что это следы солдатских сапог. Вот девочка попятилась, уронила собранные ягоды, а потом бросилась бежать к лесу. Напугавший ее человек вроде бы пустился следом, но он был тяжелее и глубже проваливался, а потому скоро отстал и вернулся в деревню. Ну что же, по крайней мере, следы девочки видны вполне отчетливо, и Будищев побежал. Добравшись до опушки леса, он вытащил компас и взял азимут на село. Затем крутнул барабан револьвера, попробовал, как штык выходит из ножен, и решительно двинулся в чащу.

Оксана очень замерзла и хотела есть. Но больше всего ей было страшно. И для чего она пошла к рябине, понадеявшись, что все солдаты на этих непонятных учениях. У них не любили и боялись военных. Человек, которого забирали в рекруты, становился все равно что мертвым и пропадал навсегда. Именно поэтому она дичилась постояльцев... а еще взрослые рассказывали, что москали¹⁷ могут быть опасны. Поймают дивчину и завяжут ей подол на голове, а после натешатся вволю. От них всего можно ожидать! Поэтому она очень испугалась, когда ее у рябины окликнул солдат. К тому же он неестественно улыбался, а глаза у него были недобрые. Оксана бросила рябину и бежала не оглядываясь, пока вокруг нее не сомкнулся лес. Спрятавшись под елкой, она какое-то время сидела там. Затем замерзнув, но немного успокоившись, пошла назад. Но идти по глубокому снегу было трудно, худые опорки начали промокать и потяжелели, и девочка, на свою беду, решила срезать путь. К сожалению, она не знала, что ноги у людей шагают по-разному и потому, если не придерживать ориентиров, они начинают кружить. Сообразив, что идет не туда, девочка попыталась вернуться назад, но зашла уже слишком далеко и потому устала. Оксана слышала, что в лесу темнеет быстрее, чем в поле, и понимала, что нужно идти, но сил не было. Бессильно опустившись на снег, она чуть было не расплакалась, но тут ей навстречу вышла собака. Довольно большая собака серой масти с торчащими ушами, почти такая же, как у охотника Василя. Только Серко Василя обычно весело машет хвостом, а у этой хвост волочился по снегу, лишь немного подергиваясь туда-сюда.

«Это волк», – поняла девочка, и ноги ее подкосились.

– Стой! – раздался чей-то голос, и Оксана, обернувшись, увидела еще одного солдата.

Отчего-то этот ей не показался страшным, тем более что это был один из их постояльцев. Волк же, услышав голос человека, оскалил зубы и зарычал.

– Пoryчи мне, падла, – пробормотал Дмитрий и сунул руку за пазуху.

Узнав, что в деревне пропал ребенок, штабс-капитан Гаупт тут же велел собирать охотников¹⁸ и решил лично возглавить поиски. Таковых вместе с деревенскими набралось почти четыре десятка человек. Проводником взялся быть Василь – звероватого вида угрюмый крестьянин, пришедший к месту сбора со своей собакой.

Все же, пока они собрались и подошли к лесу, уже начало темнеть. К тому же начал идти снег, быстро засыпавший следы. Однако люди были полны решимости спасти девочку и, запалив факелы, разбились цепью и решительно двинулись в чащу.

– Как думаешь, братец, – обратился к проводнику Гаупт, – успеем?

– Как бог даст, – буркнул в ответ Василь, – если мой Серко не оплошает, так сыщем, а нет...

Впрочем, долго искать им не пришлось, не успели они продвинуться слишком далеко, как навстречу им вышел запорошенный снегом Дмитрий, несший на себе Оксану.

– Живая? – встревоженно спросил штабс-капитан.

– Так точно, ваше благородие, – тяжело выдохнул солдат, – испугалась только сильно и замерзла.

– Ты тоже, наверное, озяб?

– Нет, я пока ее пер, даже взмок немного. Так вроде худющая, кожа да кости, в чем только душа держится, а вот поди ж ты!

– На-ка вот, братец, согрейся, – протянул ему флягу офицер.

Будищев немного удивился такой заботе, но отказываться не стал и охотно приложился к горлышку. Ароматная жидкость факельным шествием прошла по горлу и, провалившись внутрь, обожгла стенки желудка.

¹⁷ *Москаль* – в данном случае солдат. Забрать в москали – призвать в армию.

¹⁸ *Охотник* – здесь доброволец.

– Благодарствую, ваше благородие, хороший коньячок, – похвалил Будищев и протянул флягу обратно.

– Я тоже так думаю, – с иронией в голосе ответил Гаупт и улыбнулся в усы.

Тем временем к ним подбежал Охрим и, чуть не плача, бросился к дочери.

– Доню моя.

– Я тут, тату, – слабо улыбаясь, чуть слышно отвечала Оксана.

– Слышь, папаша, – обратился к нему Дмитрий, – надо бы девочку в тепло да водкой растереть или чем еще, а то заболает чего доброго. Так что двигаем назад!

– И то верно, – согласился с ним штабс-капитан и зычно крикнул: – Возвращаемся! Галеев, проследи, чтобы никто не отстал.

– Слушаю, ваше благородие, – гаркнул в ответ унтер и бросился выполнять распоряжение.

А к тяжело дышащему Будищеву подбежали приятели вольноперы с Федькой и бросились обнимать.

– Я знал, я верил, что вы хороший человек! – взволнованно повторял Лиховцев. – Эта ваша грубость и злоречивость это все внешнее, наносное...

– Да полно тебе, Алеша, – остановил его изливания Штерн, – ты ведь эдак задушишь нашего товарища!

– Ребята, пойдемте домой, а то так жрать хочется, что и переночевать негде, – усмехнулся Дмитрий горячности вчерашнего студента.

– И правда, давайте поторопимся, а в доме вы нам расскажете обо всех перипетиях этого приключения.

– Ну, кое-что я хотел бы сказать прямо сейчас, – улыбнулся Будищев. – Скажи мне, Коля, ты когда-нибудь видел, как волк смеется?

– Нет, а что вам встретился волк? – немного удивленно спросил Штерн.

– Вроде того.

– И что, он смеялся?

– Ржал во весь голос!

– Но почему?

– Да потому что, когда я попытался выстрелить из твоего револьвера, выяснилось, что он замерз к едрёной фене! Ты не представляешь, какое насмешливое выражение морды было у этого зверюги. Мой тебе совет, дружище, пользуйся в холодное время года зимней смазкой. Ну, или, по крайней мере, не наноси ее столь обильно.

– Но как же вам удалось спастись? – изумлению Лиховцева и Штерна не было предела.

– Как-как, волки вообще животные очень умные и без надобности на рожон не лезут. Я показал ему штык, а он с презрением посмотрел на меня и, отвернувшись, удалился.

Пока вольноперы охали и ахали, удивляясь похождениям своего товарища, Шматов шагал молча и счастливо улыбался. Он нисколько не сомневался, что его друг сможет выйти сухим из любой передряги, и был рад, что не ошибся.

Утром Будищев, как ни в чем не бывало, поднялся чуть свет, сделал зарядку, затем дважды обежал всю деревню, вызвав истерику у деревенских собак. Затем, обмотав руки тряпичками, принялся лупить импровизированную грушу. Наконец, утомившись, он умылся снегом и заскочил в хату. Федька и Николай еще дрыхли без задних ног, а Алексей со страдальческим выражением лица сидел на лавочке.

Вчера вечером расчувствовавшийся Охрим проявил настоящую щедрость: выставил на стол четверть невероятно мутного самогона и принялся потчевать своих постояльцев и главным образом, конечно, спасителя. Впрочем, балагуривший и веселящий других Дмитрий сам

пил очень мало, но усиленно подливал всем остальным, включая хозяев. Кончилось всё тем, что и Явор, и вольноперы с Шматовым упали под стол в совершенно невменяемом состоянии.

– Что, Леша, головка бобо? – с участием спросил Дмитрий товарища.

Тот в ответ только махнул рукой, дескать, и не говори.

– Похмелись, там маленько осталось.

Лицо Лиховцева выразило такую гамму чувств от отвращения до ужаса, что Будищев только посмеялся, но больше предлагать выпить приятелю не стал.

– Митрий, – певуче протянула заглянувшая на их половину Ганна, – пособи мне.

– Что, помощник твой еще дрыхнет?

– Ага, как сурок, – улыбнулась женщина.

– А муж?

– А то ты не знаешь!

– Ладно пошли, а то от Лехинога вида самому можно позеленеть.

Помощь заключалась в том, что один мешок надо было передвинуть, другой переставить, но, в общем, сразу было понятно, что это лишь предлог.

– Спасибо тебе за Оксану – тихо промолвила Ганна, нервно теребя платок.

– Да не за что, – пожал плечами солдат, – тем более мне показалось, что вы не очень-то ладите.

– Глазастый, – покачала головой молодая женщина. – Нравная она, да и по матери тоскует, а меня сторонится. И Охрим через это злится. Случись с ней что, он бы меня со свету сжил.

– Надо бы и тебе ему ребенка родить, глядишь и подобрает.

– Надо бы, да с чего? Разве как Дева Мария, от духа святого...

Сказав это, Ганна подвинулась к нему вплотную и тяжело задышала. Дмитрий едва заметно улыбнулся, но отодвигаться не стал и только чуть язвительно спросил:

– А ты бы Федора пособить попросила, вон он вокруг тебя как вьется...

– Да на что он мне, – отмахнулась молодуха, – Федя еще парубок, а мне настоящий мужик нужен! Такой, как ты, сильный да смелый. Волка не побоялся, так что теперь робеешь?

Через некоторое время, едва отдышавшись, Ганна вскочила и принялась поправлять одежду. Делала она это настолько буднично и привычно, что Будищев почувствовал легкое раздражение.

– Послушай, подруга, – неожиданно спросил он, – а как так случилось, что тебя так долго дома не было, что Оксана из дому ушла, а ты и не знала?

– Чего это ты спросил? – подивилась женщина, повязывая на голову косынку. – Я к куме ходила.

– К куме или к куму?

На лице Ганны промелькнуло беспокойство, и она пристально взглянула Дмитрию в глаза.

– А тебе какое дело, ты мне что, муж?

Но тот уже понял, что его догадка верна, и, поднявшись, вышел вон из амбара.

Приближалось Рождество. После того как Будищев спас заблудившуюся в лесу девочку, отношения между солдатами и местными жителями постепенно наладились. Нет, они не стали дружескими, но перестали быть откровенно враждебными. Молодые женщины и девушки перестали шарахаться от москалей, а те, в свою очередь, прекратили задира́ть местных парней, провоцируя их на драку.

Полковник Буссе, узнав о совершенном его солдатом поступке, пришел в совершеннейший восторг и даже отметил его в приказе по полку. Кроме того, он наградил Дмитрия трехрублевой ассигнацией. Три рубля – деньги для солдата немалые. Однако и не сказать, чтобы

большие. Тем более что следовало прикупить кое-какие мелочи, необходимые в быту и походе, а также «проставиться» перед товарищами. Все-таки подобные награждения происходят не каждый день, так что не грехи, а штоф водки, а лучше два, с приличной закусью, сослуживцам преподнеси. Все это, разумеется, лучше приобрести в городе. Потому как деревенским самогоном или, как его еще тут называют – горилкой, хорошо только тараканов травить.

Поэтому Будищев, отпросившись у ротного и прихватив с собой Шматова, отправился в Бердичев. Гулять, будучи солдатом, по городу, занятому воинской частью, то еще удовольствие. Во-первых, по тротуару ходить нельзя, только по дороге. Для других солдат, может, и привычно, что тротуар для господ, а Дмитрия это поначалу просто дико бесило. Во-вторых, кругом множество офицеров, и зазеваться с отдаванием чести никак нельзя. Тем паче что это офицеры твоего полка и с наказанием в случае оплошки проволоочки не будет. Ну и в-третьих, во всяком гарнизонном городе солдат – существо низшего сорта. К ним привыкли, на них уже почти не обращают внимания, но всякому известно, что солдат, может, и более ценен, чем нищий на паперти, но куда меньше, чем проститутка.

Первым делом друзья зашли в лавку Самюэля Шлагбаума, торгующего разной мелочевкой. Будищеву нужна была бритва, потому что отпускать бороду ему решительно не хотелось, а просить лишний раз Штерна тоже неудобно. Услышав, что им нужно, лавочник выложил перед солдатами несколько опасных бритв с заржавленными лезвиями, а одну даже с треснувшей ручкой.

– Вот видишь, Федя, – печально вздохнул Дмитрий, оглядев предложенный ему товар, – в какие ужасные времена мы живем! До чего нас довел кризис, даже у евреев нет денег, иначе разве бы это почтенный господин стал предлагать нам такую дрянь?

– Ну не скажите, господин солдат, – несколько смутился Самюэль, – эти, конечно, не столь хороши, но и не такая уж дрянь.

Не то чтобы еврейскому лавочнику стало стыдно, но бритвы действительно были нехороши, а «почтенным господином» его называли далеко не каждый день. Да что там, даже не каждый месяц!

– Вот есть недурной несессер, – выложил он перед Будищевым футляр из потертой кожи, в котором лежали бритва и помазок с чашкой. – Правда, он не дешев...

– Скажите, пан Шлагбаум, – улыбнулся солдат, – а разве я спрашивал у вас цену? Ну-ка, дайте посмотреть, что это за карманная гильотина...

– Господин солдат изволит шутить, – осклабился лавочник.

Но Дмитрий, не слушая его, внимательно осмотрел набор. На сей раз предлагаемая ему бритва была действительно неплоха, несмотря на более чем почтенный возраст.

– Посмотри, Федя, наверняка вот именно этим страшным орудием иудеи делают обрезание. Что, ты не знаешь, что такое обрезание? Ну, это вроде того, как у вас в деревне быков холостят, просто отрезают не так много!

– Послушайте, что вы такое говорите! Как вам не стыдно говорить про мой товар такие вещи?

– А вот посмотрите на эти следы, почтенный пан Шлагбаум, ведь это наверняка следы крови.

– И что с того? Разве вы не знали, что бреясь можно порезаться! Наверняка бывший владелец несессера так и сделал...

– Может быть, может быть... а может, эта кровь появилась после того, как прошлого собственника этой бритвы убили. Кстати, а как его звали?

– Какое это имеет значение? Послушайте, если вы не хотите ничего покупать, то зачем вы пришли к старому Шлагбауму! А если хотите, так для чего рассказываете эти ужасные вещи?

– Да что же вы так кипятитесь! Должен же я перед покупкой удостовериться, что вещь попала к вам честным путем? А вдруг с ней связан какой-то криминал, так хорош я буду, если ее найдут у меня!

– О господи! Ну, хорошо, прежнего владельца звали Косинским. Да, именно так, вот извольте видеть, остатки его монограммы – W и K. Владислав Косинский! Вы довольны теперь?

– Спокойствие, пан Шлагбаум! Только спокойствие! А сколько вы хотите за этот несесер?

– Три с половиной рубля!

– Вы зарезали господина Косинского за три рубля пятьдесят копеек?

– Да что же это такое! Послушайте, я не хочу вам ничего продавать. Уходите, пожалуйста, моя лавка на сегодня закрыта. А для солдат вообще навсегда! Уходите, а не то я позову городского!

– А в полиции знают, что вы торгуете вещами убитого Косинского?

– Да с чего вы взяли, что он убит? Он вполне жив и прекрасно себя чувствовал, по крайней мере еще вчера! А этот несесер и еще кое-какие вещи он сам принес мне под залог займа.

– А в полиции знают, что вы не просто лавочник, а еще и берете вещи под залог? А может, быть вы еще и краденое скупаете? Федя, пойдя, пожалуйста, позови городского...

– Что вы от меня хотите?

– От вас? Ничего! Просто я хочу купить эту бритву, но за более разумную цену. Скажем, семьдесят копеек. По рукам?

– Да вы с ума сошли! Минимум два рубля.

– Федя, ты только посмотри на этого человека. Он собирается сесть в тюрьму за рубль тридцать!

– Да почему же я должен сесть в тюрьму! Ведь Косинский жив и здоров...

– Что вы ко мне лезете со своим Косинским? Вы тут занимаетесь незаконным предпринимательством, а попутно еще и пытаетесь продать солдатам ржавые бритвы в надежде, что они порежутся и Российская империя останется без войск. Вы что, не знали, что если порезаться ржавой бритвой, так может случиться заражение крови?

– Послушайте, – вздохнул лавочник и выложил на стол еще одну бритву, – вот посмотрите, это очень хороший товар. Если вы пожелаете, я продам вам его за рубль. Нет, из уважения к государю-императору и его доблестной армии я продам вам ее за девяносто копеек. Только пообещайте, что вы больше не будете сюда приходить.

– Федя, посмотри и хорошенько запомни это место. Этой лавкой владеет почтенный господин Самюэль Шлагбаум, и это самый честный торговец в округе. Ты всегда должен приводить сюда всех знакомых солдат, потому что он хороший человек и нуждается в клиентах. Только из уважения к вам – восемьдесят копеек!

– Азохен вэй! Ладно, давайте свои восемьдесят копеек, а то ведь вы никогда не уйдете.

– Эх, пан Шлагбаум, вот умеете вы уговаривать! Все-таки есть у вашего народа коммерческая жилка.

– Конечно-конечно, вы пришли, рассказали мне какие-то страшные вещи, обвинили во всех смертных грехах и, можно сказать, ограбили, а теперь говорите, что у бедных евреев есть «коммерческая жилка»! Скажите, а это не вы искали родных человека по имени Марк Бернес?

– Нет, а кто это?

– О, не берите в голову! Не вы так не вы. Старый Шлагбаум не лезет в чужие дела и хочет лишь, чтобы его оставили в покое.

Алексей Лиховцев гулял по бердичевским улицам в самом прекрасном расположении духа, что случалось с ним не так часто. Он возвращался с почтамта, отправив письма своим родным и близким. Родственников у него было немного, только мать и младшая сестра – гим-

нацистка. И надо сказать, что его решение уйти в армию было для них ударом. Разумеется, они вполне сочувствовали угнетаемым балканским славянам и были бы рады узнать об их освобождении, но вот к тому, что их любимый Лешенька вступит в ряды «освободителей», оказались решительно не готовы. Дело в том, что их финансовые дела находились в весьма плачевном состоянии и Алексей был единственной надеждой на исправление ситуации. То есть надо потерпеть совсем немножко, он окончит учебу в университете и сможет поступить на службу, после чего жизнь непременно наладится. Увы, вчерашний студент надел форму вольноопределяющегося и отправился на войну.

Елена – так звали сестру Лиховцева – горячо поддержала решение любимого брата, а вот мать... Евдокия Александровна едва не слегла от огорчения, но делать было нечего, и она благословила своего непутевого отпрыска на ратный подвиг. Теперь пользуясь всякой свободной минутой, он садился писать письма, в которых старался максимально подробно описывать свои будни, делая упор на то, что все это совершенно безопасно и потому родным не о чем беспокоиться. Другим адресатом для его писем была, конечно же, Софья. Любовь к этой необыкновенной девушке окрыляла Алексея, давала силы переносить любые тяготы и лишения и давала смысл его существованию. Возможность писать ей была отдушиной для молодого человека, и он, конечно, пользовался ею. Однако делать это следовало, сохраняя известную осторожность. Помолвлены они не были, так что о чувствах было лучше умалчивать, ведь письма ненароком могли прочитать домашние Софьи Модестовны и бог знает что подумать. Но как удержать в себе рвущуюся наружу любовь? Хотя, кажется, на сей раз ему удалось найти слова, которыми получилось выразить свое состояние, оставшись при этом в рамках приличий, и Лиховцев, отправив свое послание, возвращался в приподнятом расположении духа.

Так он шел, улыбаясь своим мыслям, и машинально козыряя встречным офицерам, пока не заметил впереди двух солдат. Разумеется, это были солдаты его полка, других в Бердичеве просто не было, но всех их он конечно же не знал. Присмотревшись, Алексей понял, что это его приятели Дмитрий и Федор, с которыми он расстался еще утром. Шматов, у которого на спине висел довольно увесистый мешок, едва поспевал за решительно шагавшим Будищевым, а тот, казалось, не обращал ни малейшего внимания на неудобства своего товарища.

– Эй, погодите! – крикнул Лиховцев. – Я с вами.

Федя, увидев вольноопера, приветливо улыбнулся, а вот его спутник не выказал ни малейшей радости, как, впрочем, и неудовольствия.

– Ну что, отправил письма? – равнодушным голосом спросил он.

– Да, – просто ответил Алексей, поравнявшись. – А вы, я гляжу, с покупками?

– Ага, – словоохотливо отвечал Шматов, – тут и булки, и колбаса, и даже водка. Не знаю, правда, зачем их Граф набрал...

– А что такое?

– Да тут такое дело, взяли мы булку перекусить, разломил, а там таракан! Дмитрий такой шум поднял, хоть святых выноси.

– Темный ты человек, Федя, – вздохнул Будищев. – Ну, откуда в пекарне, да еще в еврейской, святые? Тем более если они булки с тараканами пекут.

– Так зачем ты их взял?

– Как зачем, давали – вот и взял.

– А если они тоже...

– Ой, ну мало ли, один раз обмишулились люди, с кем не бывает!

– А в колбасе...

– Так, Федор, хорош распотякивать! Еще чего доброго, господину студенту аппетит испортишь.

– А что в колбасе? – удивился Лиховцев.

– Поверь мне, Леша, есть вещи, которые лучше не знать!

– Да? А с водкой хоть все в порядке...

– За водку на этот раз пришлось заплатить. Но я работаю над этим.

– Простите, Дмитрий, но я решительно ничего не понимаю!

– И слава богу. Чем меньше людей знают про схему, тем больше она может принести прибыли.

– Послушай, Граф, – просительно протянул Шматов, – а давай пряников купим, ну хоть на пятак?

– На сладкое потянуло?

– Оксану угостим...

– Угу, и ее мачеху заодно.

– Да ладно тебе!

– Простите, Дмитрий, – вмешался Лиховцев, – мне отчего-то кажется, что вы стали хуже относиться к нашей милой хозяйке. Вам Ганна чем-то не нравится?

– А она не катеринка¹⁹, чтобы всем нравиться. Ладно, уговорил, черт языкатый! Вот тебе пятак, только в лавку сам сбегашь, а то меня и так скоро весь Бердичев в лицо знать будет.

Закончив с делами в городе, солдаты отправились назад, в ставшую если не родной, то уж точно привычной, деревню. Хотя погода была безветренной, крепчавший мороз заставлял их поторапливаться, и не прошло и двух часов, как они прошли маршем добрый десяток верст. Семеновка встретила их запахом дыма и лаем собак, но приятели, не обращая внимания на деревенских кабыздохов, направились к своей хате. Охрима дома не было, Штерн заступил в караул, и только Ганна суетилась у печи. Было довольно жарко, и молодая женщина скинула верхнюю вышитую искусным узором сорочку, оставшись в одной нижней и юбке.

Ввалившиеся с холода солдаты остановились как громом пораженные, но та, не обращая на них ни малейшего внимания, продолжила заниматься своим делом. Федька, едва размотав башлык, так и остался бы глазеть на открытые, немного полные руки, выглядывавшие из разреза плечи и высокую грудь, которую почти не скрывала обтягивающая ее рубаха, но застеснявшийся Лиховцев ткнул его в бок, и солдаты принялись отряхивать друг друга от снега. Только Будищев, как ни в чем не бывало, скинул уже шинель и прошел в угол, где и устроился на лавке.

– Как погуляли? – поинтересовалась хозяйка.

– Хорошо, – отозвался Шматов, не отрывая от нее взгляд.

– Что нового в местечке?

– Стоит покуда... а ты, Аннушка, хлеб печешь?

– Так Рождество на носу. Будут люди колядовать, не отпускать же их с пустыми руками.

Из-за занавески, перегородившей комнату, выглянула Оксана и, узнав Дмитрия с товарищами, улыбнулась. Замерзнув в тот злополучный день в лесу, дочка Охрима простудилась и долго болела, но уже шла на поправку. Лечивший ее один из полковых врачей, Александр Соколов, даже разрешил своей юной пациентке ненадолго встать с постели.

– А мы тебе гостинца принесли! – воскликнул Федя.

– Какого гостинца? – воскликнула девочка с загоревшимися глазами.

– На-ка вот, – солдат протянул ей бумажный кулек с пряниками.

Оксана готова была с визгом кинуться к угощению, но, наткнувшись на взгляд мачехи, застеснялась и снова спряталась за занавеской.

– Куда ты, дуреха, – усмехнулась Ганна, – люди же с морозу, того и гляди опять застынешь. Ляг лучше.

– Хорошо, мамо, – послушно отозвалась девочка и скрылась с глаз.

¹⁹ Катеринка – просторечное название ассигнации с портретом Екатерины Великой, достоинством в сто рублей. Самая крупная купюра русского казначейства в то время.

Послышался стук отворяемой двери, и в хату вошел писарь Степка Погорелов. Надо сказать, визит его был изрядной неожиданностью. Ротный «грамотей» не без основания полагал Дмитрия угрозой своему привилегированному положению и потому недолюбливал умеющего читать и писать новобранца. И не подумав отряхнуть снег с сапог, он окинул взглядом присутствующих и, прочистив горло, удовлетворенно хмыкнул:

– Вернулись уже? Хорошо! Их благородие штабс-капитан Гаупт приказал Будищеву сей секунд к нему явиться.

– Раз приказал – явимся, – пожал плечами тот и не тронулся с места.

– Велено не мешкая! – попытался повысить голос писарь, но, встретившись с Будищевыми глазами, осекся и замолчал. Затем мазнув липким взглядом по смутившейся хозяйке, не прощаясь, вышел.

После его ухода отогревшийся Дмитрий заглянул к Оксане и с удивлением увидел, что девочка от страха забилась под лоскутное одеяло и не высовывает оттуда и носа. Смутная догадка мелькнула в голове солдата, и он, присев рядом с больной, тихонько спросил:

– Это был он?

Испуганное личико выглянуло наружу, и девочка усиленно закивала. Будищев покачал головой в ответ, затем жестом фокусника вытянул непонятно откуда сахарный петушок на палочке и прошептал:

– Ничего не бойся!

– Послушайте, братцы, – спросил он товарищей, надевая шинель, – а отчего я на ротных учениях Погорелова никогда не видел?

– Так нестроевые же на них не ходят, – отозвался Лиховцев. – А что случилось?

– Да ничего пока не случилось, просто подумалось, что, когда мы учимся воинскому делу настоящим образом, эти обормоты бока по хатам греют.

– Как вы сказали? «Учимся воинскому делу настоящим образом»? – переспросил Алексей. – Неплохо сказано!

Однако Дмитрий не стал отвечать, а намотав башлык, стремительно вышел вон.

Гаупт с другими офицерами был расквартирован в так называемом господском доме. Принадлежал он здешнему помещику Сакулину и был, по сути, такой же хатой, как у прочих селян, только побольше и попригляднее. В обычное время там жил управляющий помещьем, а у самого господина Сакулина был дом в городе, откуда он лишь иногда заезжал посмотреть, как идут дела в имении. Половина господского дома была отведена под квартиры офицерам, а вторая стала чем-то вроде импровизированной канцелярии вкупе с кордегардией.

Поручик Венегер, вернувшийся из города в крайне рассеянном расположении духа, терзал струны гитары, что-то мурлыкая себе под нос. А Завадский с Гауптом играли в шахматы.

– Ах, господа, в какую же все-таки дыгу занесло нас! – воскликнул поручик, отставив с досадой в сторону инструмент.

– Что-то случилось, Николай Августович? – удивленно приподнял бровь штабс-капитан.

– Ничего не случилось, говным счетом, ничего! И так с самого нашего пгибытия. Всегда считал Гыбинск ужасно тихим и пговинциальным, а теперь, не повегите, даже скучаю!

– Да уж, раньше вы его не жаловали.

– Пгосто я не был знаком с Бегдичевым! Это же пгосто ужас какой-то, одни сыны Изгаиля кругом. Пгиличного общества – нет! Дам достойных хоть какого-нибудь упоминания – нет! Да что там, богдедя погядочного – и того нет!

– Напрасно вы так, – застенчиво улыбнулся Завадский, – я давеча встретил в кондитерской одну премилую особу.

– Могу себе представить! – фыркнул Венегер. – Какая-нибудь Сага Зильбегштейн!

– А вот и нет, прекрасную пани звали Катажиной Новицкой!

– Полячка? Одобряю, молодой человек, среди них иной газ попадаются такие... огонь! Кстати, я не ослышался, вы преодолели пригодную застенчивость и представились?

– Ну что вы, – смутился подпоручик, – я просто слышал, как ее назвал приказчик в лавке.

– О боже! – картинно закатил глаза Венегер. – Сказано «багышня», ну как я мог так хорошо о вас подумать!

– Кстати, Сергей Александрович, вам мат, – объявил Гаупт после очередного хода, – еще партию?

– О, нет, увольте, вы достаточно меня сегодня разгромили.

– А вы, Николай Августович?

– Нет, мон шег, я, гтешным делом, недолюбливаю эту иггу. Есть только две вещи, достойные офицега: кагты и женщины! Женщин, как я уже упоминал, здесь нет, а в карты иггать тоже не с кем... может вольноперов позвать?

– Боюсь, я не могу одобрить подобного.

– Тогда, может быть, вы не станете возгажать, если я завтра навещу наших соседей? Мы гаспишем великолепную пульку!

– Извольте, – пожал плечами штабс-капитан и, накинув на плечи мундир, вышел в смежную комнату. Там, у жарко натопленной печи отогревались только что сменившиеся караульные. Увидев офицера, они вскочили, но Гаупт только помахал рукой, сидите, мол.

– Это хорошо, что вы здесь, Штерн, – обратился он к вольноопределяющемуся, – подойдите, я хотел поговорить с вами.

– Слушаю вас, ваше благородие.

– Что вы можете сказать о Будищеве?

– О Будищеве? Ничего, а отчего вы спрашиваете?

– Так уж и ничего?

– Ну, солдат как солдат...

– Кинувшийся спасать деревенскую девчонку?

– Говоря по правде, господин штабс-капитан...

– Я же говорил вам, что вне строя вы может звать меня по-прежнему.

– ...хорошо, Владимир Васильевич, дело в том, что меня это тоже удивило. Человек он не злой, но сентиментальным или добросердечным его назвать трудно. Тем не менее он отправился на ее поиски не задумываясь!

– А вы видели, как он занимается гимнастикой?

– Конечно, как и все. Поначалу его упражнения вызывали всеобщий интерес, но потом все привыкли. Но почему вас это заинтересовало?

– Да так просто. Кстати, знаете, как называется это упражнение, когда человек подтягивается на перекладине, а потом переворачивается через нее?

– Кажется, он называл это подъем-переворот.

– Вот-вот, и практикуют его в германской армии.

– Вы полагаете, он шпион?

– Нет, конечно. Какой военный секрет можно выведать, став солдатом нашего, богом спасаемого сто тридцать восьмого полка?

– Это точно, – улыбнулся Штерн.

– Скажите, а это правда, что он побочный сын Блудова?

– По крайней мере, деревенские, по словам дядюшки, были в этом уверены.

– Что же, это могло бы объяснить многие странности в его поведении. Не чувствуется в нем ни крестьянин, ни бывший дворовый.

– У вас какие-то виды на него?

– Думаю все же перевести его в писари. Терпеть прежнего больше нет никаких сил. Вы же с Лиховцевым от бумажной службы бежите как черт от ладана. Так что, полагаю, легче будет подтянуть правописание у Будищева, нежели добиться способности мыслить от Погорелова.

– Ну, за этим дело не станет.

– Вы, думаете?

– Некоторым образом – знаю! Дело в том, что Лиховцев каждый день занимается с ним и, по-моему, добился немалых успехов.

– А вот это – прекрасная новость! Если этот солдат научится грамотно писать, то лучшего и желать нельзя. Кстати, не пишут ли вам Батовские?

– Вы, вероятно, спрашиваете о Софи?

– И о ней тоже.

– Пишет, но нельзя сказать, чтобы слишком часто.

– А Лиховцеву?

– Еще реже.

– Понимаю, ну что же, будете писать в ответ, кланяйтесь от меня.

– Не премину.

В этот момент снаружи раздался шум, и в кордегардию ворвался ефрейтор Хитров. Вид у него был слегка ошалелый, но вместе с тем немного радостный.

– Так что, ваше благородие, – тяжело дыша, отрапортовал он, – происшествие у нас!

– Что случилось?

– Будищев Погорелова убил!

– Как убил?

– Не совсем убил, но собирался!

– Ничего не понимаю, ты говори толком...

– Докладываю, ваше благородие. Погорелов нынче ходил...

– Знаю, я сам его посылал.

– Так вот, а Будищев-то сразу исполнять не поторопился, а когда тот ему замечание сделал, так он драться кинулся. Насилу разняли!

– Так кто зачинщик?

– Будищев, конечно!

– Осмелюсь доложить, – вмешался Штерн, – но если действительно случилась драка, Будищев бы писаря на кулак намотал.

– Ладно, разберемся, – решительно ответил штабс-капитан. – Тащите обоих сюда!

– Слушаю!

Через несколько минут оба солдата стояли навтыжку перед командиром роты. Только Погорелов шмыгал разбитым носом и опасливого косился на своего соседа. Тот же стоял совершенно невозмутимо, как будто случившееся его совершенно не касается.

– Говори, – велел Гаупт писарю.

– Так что, ваше благородие, – начал плаксивым голосом докладывать Погорелов, – Будищев на меня ни за что, ни про что напал и малым делом не убил! Зверь какой-то, а не человек.

– А ты что скажешь?

– Не было этого, ваше благородие, – пожал плечами Дмитрий, – разок по физии я ему, конечно, дал, а вот чтобы убить, это он придумал.

– А по физии за что?

– Он знает.

– Знает? Прекрасно, я тоже хочу знать.

– Не знаю я ничего, – завыл Погорелов, – он на меня как петух налетел...

– Слышь, убогий, – дернулся в ответ Будищев, – я тебя сейчас самого петухом сделаю!

– Вот видите, ваше благородие!

– Из-за бабы, что ли, повздорили? – поморщился штабс-капитан.

Услышав вопрос офицера, писарь вздрогнул, но отвечать ничего не стал, а Дмитрий просто повел плечами, что можно было толковать и так и эдак. Реакция обоих подчиненных не укрылась от Гаупта, и он решил, что дознался до истины. Впрочем, большой беды в произошедшем он не увидел. Дело житейское. Наказать, конечно, следовало обоим, но за этим дело не стало.

– Обоим под ружье, на час!

– Ваше благородие, – взмолился, услышав приговор, Погорелов, – явите божескую милость, не ставьте с ним рядом под ружье, он ведь пырнет меня, ирод!

– Он может! – подтвердил Хитров, преданно глядя на командира роты.

– А вот чтобы подобного не случилось, ты за ними и присмотришь, – бессердечно улыбнулся Гаупт и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

На лице ефрейтора явственно читалось: «а меня за что?», но возражать он не посмел и только гаркнул, приложив ладонь к козырьку кепи:

– Слушаю!

Через несколько минут оба нарушителя дисциплины стояли навтыжку с винтовками на плечах, а рядом с ними топтался незадачливый командир звена.

– Чтобы вас!.. – замысловато выругался он, постукивая ногами в сапогах одну об другую.

– Так точно, – еще больше вытянулся Будищев, заставив тем самым вздрогнуть незадачливого писаря.

– Господин ефрейтор, не уходите, – жалобно попросил Погорелов, – ить убьёт!

– Так тебе и надо! Не смог ротного разжалобить, так стой теперь.

– Что тут у вас за кабак? – раздался совсем рядом зычный бас, и Хитров, резко обернувшись, увидел подошедшего Галеева.

– Да вот... – помялся он, – драку учинили...

– А ты, значит, ни хрена лучше придумать не смог, как к ротному с этой ерундой побегать?

– Так ить, господин старший унтер-офицер, я думал, что он Погорелова-то до смерти убил! Он же весь в кровище был...

– Думал он, – с досадой перебил его командир отделения, – а того ты не подумал, что господ офицеров по пустякам тревожить не надо? На это унтера есть, фельдфебели... что, первый год служишь?

– Никак нет! Только он ведь – писарь, все одно бы дознались...

– С чего бы это? Мало ли на какой косяк он рылом напоролся! Ладно, хрен с тобой, мерзни теперь вместе с ними.

Пока унтер с ефрейтором, отойдя чуть в сторону, таким образом беседовали, Будищев подмигнул писарю и прошептал:

– Не бойся, я штык марасть не стану, я тебе горло перегрызу, а всем скажу, что это волки!

Тот в ответ только обреченно посмотрел на своего мучителя, но, не решившись ничего ответить, продолжал стоять. Час – не бог вещь какое время для наказания, однако на морозе мало провинившимся не показалось, а потому, когда время вышло, все вздохнули с облегчением. Писарь с Хитровым направились к господскому дому, а Галеев с Будищевым пошагали к хате Явора.

– В городе-то был? – спросил унтер, зябко поведя плечами.

– Ага.

– Все взял?

– Обижаете, господин унтер!

– Какая нелегкая тебя угораздила с этим слизняком связаться?

– Не поверишь, он сам полез.

– Да ну!

– В том-то и дело. Я ему просто посоветовал рядом с нашей хатой поменьше ходить, а он с размаху мне как... едва увернулся!

– Да, хорош бы ты был, если тебе Степка зафинтил, – засмеялся Северьян. – А ты что же?

– Ну, а я не промазал, так он, паскуда, орать начал, как потерпевший!

– Понятно. А от чего ты его отвадить хотел? Нешто он на вашу хозяйку глаз положил?

– Типа того, – помрачнел Дмитрий.

В жарко натопленной хате их уже ждали. В гости к ее обитателям заявились дядька Никифоров и еще пара унтеров, приглашенных по случаю «проставы». Накрытый стол ломился от яств, но начинать без Будищева и Галеева было не с руки, и гости стойко терпели, сглатывая слюну.

– Где вы столько пропадали? – встревоженно спросил Лиховцев.

– Свежим воздухом дышали.

– А ротный зачем вызывал?

– Да ты знаешь, Леша, мы так толком и не поговорили...

– Ну, это не секрет, – пробасил Галеев, – их благородие хотел тебя в писарчуки перевести.

Да только вишь, как неловко вышло...

– А Погорелова куда?

– А ты думаешь, почему он так злобится? – вопросом на вопрос ответил унтер. – Ладно, бог с ними, скажите лучше, наливать нам сегодня будут? А то я озяб чего-то!

Перед собравшимися тут же появился запотевший от мороза штоф полугара²⁰, вызвав у них гул одобрительных возгласов. Содержимое было немедленно разлито по чаркам, разобрав которые все вопросительно взглянули на Будищева с Галеевым.

– Ну чего, скажите что-нибудь обществу, – хмыкнул Никифоров.

– Почему бы и не сказать, – пробасил командир отделения. – Митька у нас солдат справный и, самое главное, бедовый! На таких все и держится, они шилом бреются, дымом греются, ну и своего при случае не упустят, это уж как водится. Еще года не прослужил, а его уже полковник отметил да наградил. И я ни в жизнь не поверю, что этот стол всего на три рубля накрыт. Так что давайте выпьем, дай бог, не по последней!

Служивые с удовольствием выпили и тут же закусили ядрено пахнущей чесноком колбасой и нежными белыми булками. Затем еще по одной, и еще...

Охрим, которого тоже пригласили, выпив немного, отошел от своей обычной угрюмости и, что-то бубня, рассказывал то Шматову, то дядьке Никифорову. Федька, почти не слушая его, смотрел влюбленными глазами на сновашую кругом, принарядившуюся для такого случая Ганну.

Молодая женщина, почувствовав повышенное внимание к себе, покраснелась, похорошела и усиленно потчевала дорогих гостей, не забывая улыбаться.

– Кушайте, прошу пана, сегодня же свято!²¹

Дмитрий же, сам выпив всего ничего, подливал другим, говорил тосты, подшучивал над собравшимися, а потом тихо вышел на хозяйскую половину и заглянул за занавеску к Оксане. Девочка, свернувшись калачиком на своем топчане, крепко спала, не обращая внимания на шум. Какое-то время он печально смотрел на нее, а затем обернулся на скрипнувшую половицу и увидел ее мачеху. Та пьяно улыбнулась и, покачав головой, заговорила:

– Ой, не понимаю я тебя, москаль, хитрый ты или глупый?

– Глупый, наверное, – пожал плечами тот.

– Она долго спать не хотела, все тебя ждала да беспокоилась отчего-то.

²⁰ Полугар – сорт водки.

²¹ Свято – праздник (укр.).

- Пусть спит, ей полезно.
- Не была бы хворой, побежала бы с подружками колядовать, а так что же.
- Ничего, какие ее годы, наколядуются еще.
- Ты на нее глаз положил, что ли?
- Дура ты, Аня!
- Может, я разумом и не дюже богата, а глаза у меня есть!
- Да не поймешь ты.
- А ты Расскажи, может, и сразу же.
- Я в детдоме вырос, в приюте по-вашему. Там у нас девочка одна была. Не сказать, чтобы сильно похожа, но вот глаза – ну точно такие же у Оксанки вашей.
- Так ты сирота!
- Да почему сирота... просто родители пили. Дома жрать нечего было, вот я по улицам да по рынкам и шарился. Воровать стыдно, так я истории жалостные людям рассказывал, они меня и кормили. Потом инспекторам попался, они меня в детдом и определили.
- Нешто так бывает, чтобы при живых родителях?
- Всяко бывает, Аннушка.
- А что с той дивчиной?
- Какой дивчиной... а, с этой... да ничего хорошего. Под колеса попала...
- Как под колеса?
- Ну, лихач по дороге летел, да и сбил насмерть.
- Ой, лишенько!
- Вот такие дела. Ладно, иди к гостям, а то Охрим и так уже, наверное, косяка давит.
- Та, нашел лихо! Он как выпьет – ничего не помнит да ничего не знает, кроме этой проклятой горилки.

Штаб Болховского полка, расположившийся в здании городской управы славного города Бердичева, в будние дни представлял собой нечто среднее между присутственным местом и ярмаркой. Множество людей – офицеры, чиновники, местные купцы и бог знает кто еще – сновали туда-сюда по коридорам, громко разговаривали, торговались, спорили, а бывало и переходили на площадную брань. Как известно, армия в России большая, солдат в ней много, а каждого нужно одеть, обуть, накормить, а все это стоит денег. И у бердичевских коммерсантов таки было что предложить и по хорошей цене, вот просто, ей-богу, вы нигде дешевле не купите! Однако известно также, что интендантские чиновники просто славятся своей скаредностью и так и норовят снарядить всем необходимым служивых без убытка для казны. То есть – даром! А где вы такое видели, чтобы купцы торговали себе в убыток? Нет, они, конечно, патриоты и во всех церквах, костелах и особенно синагогах днем и ночью молятся о здравии государя-императора, но надо же и совесть иметь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.